

Дмитрий Львович Казаков

Герой высшего качества

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643925
Герой высшего качества: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50579-1*

Аннотация

Как можно попасть в фэнтезийную Нифигляндию? Разумеется, только прыгнув в унитаз, что и проделал студент Егор Грачев. И вот уже везет его могучий конь, точнее, невзрачный рыжегривый пони, по дорогам иного мира, рядом с ним сподвижники – добрый молодец Бешеный Соня с дубиной и маг-недоучка Ганди-Ла, а на поясе у Егора висит древний говорящий меч Яхирон.

Труден путь к замку местного Темного Властелина, но кто сказал, что герою жизнь должна казаться медом? Ох и тяжело Добру победить очередное Зло, но миссию героя никто не отменял. И не простой герой Егор Грачев, а высшего качества! Никуда не денешься, придется побеждать...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дмитрий Казаков

Герой высшего качества

Глава 1

Тяжелый день

Егор всегда знал, что понедельник – день тяжелый.

Но двадцать четвертое мая не просто подтвердило эту истину, а еще дало понять, что все «тяжелые» понедельники, случившиеся за предыдущие двадцать лет, были не более чем легкой разминкой.

Началось все в шесть утра, когда сосед сверху, принадлежащий к той породе маньяков, коим нравится процесс ремонта, начал сверлить стену.

– Вот козел, – с душой сказал Егор, насильно вырванный из приятного, почти эротического сна с участием Марины.

Через неплотно прикрытую дверь из соседней комнаты донесся стон, достойный фильма ужасов. Это очнулся Санек, на пару с которым Егор снимал квартиру. Он провел выходные по принципу «с утра выпил – весь день свободен», и пробуждение у него вряд ли вышло приятным.

Сверху доносились истошные взвизги, точно сосед коварным образом мучил несчастную дрель. Понятно, что все равно скоро вставать, но спускать подобные вещи нельзя из принципа.

– Вот козел, – повторил Егор, понимая, что придется покидать постель и идти разбираться.

От Санька сейчас помощи – только запах перегара, перекошенная физиономия и красные, точно у вампира, глаза. И впрямь – можно снимать хоть в триллере про злобных любителей мозгов, хоть в пропагандистском ролике о вреде пьянства.

Откинув одеяло, Егор оделся и поплелся в прихожую. Мельком глянул в зеркало и, как обычно, скривился – подбородку не мешало быть поквadrатнее, мускулам – покрепче, плечам – пошире, к росту можно добавить сантиметров десять, и еще убрать с физиономии эти мерзкие прыщи...

Но ничего, возьмем умом.

Беседа с соседом-маньяком не заняла много времени, но оказалась на диво эмоционально насыщенной. В ней были упомянуты разные виды животных и некоторые экзотические способы общения между ними, а также использованы слова, официально именуемые ненормативной лексикой.

Но своего Егор добился – сверление прекратилось.

Вернувшись в квартиру, он обнаружил, что Санек свершил маленькое чудо – «восстал из мертвых» и даже предпринял попытку сварганить завтрак. При этом он, правда, усосал всю воду из графина и употребил внутрь неведомо как сохранившуюся в холодильнике чекушку.

– Ну, ты ваще, – сказал Егор, глядя, как сосед заливает яйцом вываленные на сковороду макароны.

– А то... – отозвался Санек. – Ты ж меня знаешь!

Квартиру они снимали вместе уже три года, с того лета, когда оба приехали в столицу на учебу.

Санек, прирожденный технарь, прибывший в Москву из Архангельска, одолел жесткие экзамены в Бауманку, куда и стремился. Егор, уроженец Саранска, в силу отсутствия каких-либо особых талантов оказался за партой в одном из тех безликих вузов, что в изобилии возникли в девяностые годы, когда выяснилось, что стране срочно нужно множество менеджеров, экономистов и юристов...

Учился он средне, без особых провалов, но и без достижений, как-то переползал с курса на курс.

– Знаю, – Егор вздохнул. – Это-то меня и пугает...

Санек любил не только «принять на грудь», но еще и готовить, и при этом умением кулинара похвастаться не мог. Порой он ухитрялся испортить такое блюдо, как вермишель быстрого приготовления, а однажды, когда приятели были при деньгах, удачно сварил солянку из восьми видов мяса.

Похмельные кухонные эксперименты закончились с переменным успехом – макароны подгорели, но остались при этом условно съедобными. Соседи позавтракали, после чего Санек завалился обратно спать, а Егор принялся собираться – в девять зачет, а ехать через пол-Москвы...

В метро, как обычно, была давка, но за три года в столице Егор к ней привык и не обращал внимания. В институт приехал вовремя и в компании мрачных, невыспавшихся одноклассников принялся ждать препода.

«Финансовый менеджмент» читал доцент Кащинский, прозванный, естественно, Кашеем. Прозвищу он соответствовал не на сто, а на все двести процентов – и внешностью, и характером. Тощий, даже изможденный, он имел обыкновение буравить студентов мрачным взглядом и вещать неразборчивым замогильным голосом.

Сегодня Кашей был не в духе – это Егор понял, едва заведя физиономию препода.

– Ой, попали, – прошептала Лизка Мурзикова, первая красотка и модница группы.

– И не говори, – пискнула ее верная подруга и главная сплетница всего потока Наташка.

– Заходите, – велел Кашей, глядя на студентов с кровожадным вдохновением.

И началось.

Это был не просто зачет, нет, это более напоминало пытку, утонченную, хитрую, долгую. Кашей опрашивал их по одному и по двое, пытал невнятными вопросами, ответа на которые не знал, похоже, и сам, но при этом никого и не отпускал, не выгонял со словами «приходите в следующий раз».

Завидь все это злобные инквизиторы, они бы прослезились от умиления и мигом подарили доценту Кащинскому рясу и пару «испанских сапожков».

Егор, еще час назад считавший, что неплохо знает предмет, вздрагивал, едва услышав свою фамилию «Грачев!» Мямлил что-то в ответ, путался в цифрах и понимал, что сегодняшняя их встреча с Кашеем, скорее всего, не последняя.

Закончилась пытка ровно в полдень, когда доцент обвел аудиторию ледяным взглядом и заявил:

– Да, молодые люди, вижу, что семестр мучился с вами зря. Приходите в среду к трем.

– Как же так... – слова застряли в горле у Васьки Труглова, отличника, только со слов менее головастых коллег знавшего, что такое «хвост» или «пересдача».

– А вот так! – Кашей поднялся во весь немалый рост. – Учить надо!

В коридор Егор выбрался, чувствуя себя оглушенным.

– Вот гад, – сказал Серега, лучший друг, с которым три года просидели за одним столом. – Что, по пиву?

– Нет, мне еще на работу, – покачал головой Егор. – Ну что за день такой?

– Это ты норму неприятностей на сегодня с утра исчерпал, а дальше все пойдет чики-пуки, как по маслу, – с видом записного мудреца сообщил Серега. – Закон вселенского равновесия.

То, что он ошибся, стало ясно через час, когда Егор приехал в редакцию газеты «Яркий день», где подрабатывал внештатным журналистом.

– Зарплаты не будет, – заявил Петрович, редактор отдела рекламы, в котором и трудился Егор.

– То есть как?

– А вот так! – Петрович, могучий, лохматый и бородатый, развел руками. – Нет денег в кассе! Говорят, что появятся они там только на следующей неделе, и не ранее вторника...

– Как же... но мне за квартиру платить... – забормотал Егор. – И вообще...

«И вообще» означало, что у него осталось пятьсот рублей в кошельке, две пачки пельменей и отрезок колбасы длиной с палец в холодильнике. Егор понимал, что лепечет, выглядит жалко, но остановиться не мог – накопившийся за день негатив жег душу, мешал взять себя в руки.

– Как же... но ведь обещали... что мне делать?

– Кризис, юноша! – объявил Петрович с таким видом, словно это являлось большой новостью. – Мировая экономика бьется в корчах, доллар падает, гусеницы жрут чайные кусты, моль губит плантации бананов в Эквадоре, запасы нефти сокращаются, а ты тут вещаешь о какой-то зарплате? Стыдись!

Стыдиться Егор не пожелал, вместо этого он сжал кулаки и вознамерился высказать начальнику все, что думает о нем лично и о газете «Яркий день» вообще. Сдержался в последний момент, и почувствовал себя гнусным, самым презренным трусом, хотя в общем поступил благоразумно.

С работой у Егора почему-то не очень ладилось, на одном месте он не задерживался больше чем на полгода – или менялось начальство, а вместе с ним и «концепция», или закрывалась сама лавчонка, или студента, по определению не способного трудиться полный рабочий день, увольняли без объяснения причин...

– Материал сдал? – Петрович, не заметивший сжатых кулаков подчиненного, сменил тон с патетического на деловой. – Сегодня вечером получишь новое задание, чтобы к пятнице было готово...

– Но как же... без зарплаты... я...

– Получишь ты все, не сомневайся, – Петрович заулыбался грубовато и фальшиво, точно вещающий о мире американский президент. – А сейчас иди и после пяти проверь почту...

Егор сгорбился и вышел из офиса «Яркого дня».

На улице несколько минут постоял, вдыхая загазованный московский воздух, зачем-то вытащил из кармана кошелек, оценил запасы наличности – пятьсот, пятьдесят, три десятки и еще мелочи рублей на тридцать...

Откровенно говоря, маловато, чтобы идти на свидание.

А ведь он договорился о встрече с Мариной именно на сегодня, полагая, что будет при деньгах и сможет произвести впечатление. Идиот! Глупец! Пяти сотен хватит разве что на пару кружек пива в дешевой забегаловке или на порцию мороженого в приличном кафе.

И что теперь – позвонить и сказать, что все отменяется?

Нет, никогда!

Марину Егор впервые увидел в ночном клубе на празднике в честь Татьянина дня и мгновенно запал на нее. Высокая, стройная, изящная, с улыбкой, как у голливудской

актрисы, она притягивала взгляд. Только тем, что он находился в подпитии, можно было объяснить, что тогда он осмелился познакомиться.

Ведь с девушками Егору везло еще меньше, чем с работой.

Но тогда, на Татьянин день, все странным образом получилось – они потанцевали, выпили по коктейлю, и она оставила ему свой телефон. Потом, правда, быстро развить отношения не получилось – Марина то не отвечала на звонки, то оказывалась занятой, но пару раз снисходила до ухажера.

Мысль о том, что она играет с ним и что у нее есть кто-то еще, Егор старательно гнал прочь.

– Нет, никогда, – сказал он, вновь сжимая кулаки и пытаясь собрать остатки решимости.

Не все в этом мире определяется деньгами!

Он докажет Марине, что и без этих бумажек кое-чего стоит.

К метро «Пушкинская», где они договорились встретиться, Егор приехал за десять минут до срока. Отмахнулся от раздававшего бесплатные газеты мужика, потоптался у ларька с дивидишками, поглядывая на часы.

Нервно вздрогнул и приоткрыл рот, когда через стеклянные двери прошла Марина, ослепительно красивая в коротком черно-белом платье, изящная и тонкая, словно танцовщица...

И заледенел, увидев, что за ней шагает высокий, широкоплечий парень из породы прирожденных красавчиков: правильная физиономия, презрительно-брезгливая мина на ней и дорожные шмотки, на которые Егору копить целый год, и то в том случае, если перестать есть.

– Привет, – сказала девушка, легкомысленно улыбаясь. – Я пришла, как и обещала. Но я же не обещала, что приду одна? Познакомься, это Иван, он мой давний хороший друг...

По масленным взглядам Егор понял, что тут имеет место постельно-ориентированная «дружба».

Иван смотрел на него без насмешки или злости, даже с некоторым удивлением, словно волкодав на осмелившуюся гавкнуть в его сторону болонку. А вот Марина откровенно наслаждалась происходящим, на ее губах была легкая улыбка, в голубых глазах плясало веселье.

Таким униженным Егор себя не чувствовал с третьего класса, когда хулиган Ринат по прозвищу Шкет хорошенько отколотил его и заставил есть землю, и все это на глазах у четырех классов...

Что делать, он не знал.

Полезть в драку? С этим амбалом, что на голову выше и на пуд тяжелее? Глупо.

Начать орать, выяснять отношения словами? Унизительно.

Осталось промолчать, проглотить обиду или даже сделать вид, что все нормально, ничего не произошло.

– А, ну-ну... – только и выдавил из себя Егор, развернулся и побрел прочь.

Он ожидал, что в спину ему засмеются, бросят что-нибудь обидное, но и Марина, и ее «друг» промолчали. Не ждали, наверное, что неудачливый поклонник, ставший жертвой злой, издевательской шутки, среагирует таким образом.

В себя Егор пришел только на Никитском бульваре и понял, что бредет в сторону Арбатской площади.

– Ну, ваще... – сказал он, останавливаясь.

Жизнь не просто дала трещину, а за один день развалилась: зачет по «Финансовому менеджменту» пролетел, теперь тащиться на пересдачу и ждать, допустят до экзаменов или нет; остался без обещанных денег и с перспективой просидеть голодным больше недели;

надежды, связанные с Мариной, развеялись в дым, и он понял, что был для нее развлечением, капризом девушки, избалованной обилием поклонников...

Что остается человеку, попавшему в такую ситуацию?

Американец, наверное, пойдет к психоаналитику, какой-нибудь немец или японец засучит рукава и начнет работать. А русский, если он настоящий русский, прибегнет к испытанному веками средству – напьется.

Сначала Егор решил взять пива, но потом подумал, что ситуация заслуживает водки.

– Ладно, – сказал он. – До зеленых соплей, а там посмотрим...

Он дошел до метро и поехал домой, а добравшись до своей станции, отправился в расположенный рядом с ней продуктовый магазин.

– Чего тебе? – нелюбезно осведомилась продавщица, дородная тетка сурового вида.

Егору, ощущавшему себя законченным, совершенным неудачником, никчемным, бессмысленным существом, которое способно лишь на ошибки, глупости и болезненные разочарования, показалось, что продавщица видит его насквозь и смотрит на плюгавого студента с презрением.

– Водки, – сказал он.

– Какой? – тетечка повела рукой в сторону полок, уставленных разнообразными «пузырями».

Егор принялся рассматривать бутылки, намереваясь выбрать что-нибудь, что пил недавно и от чего не осталось дурных воспоминаний. Но тут что-то случилось с его зрением, все размазалось перед глазами, поплыли мерцающие сиреневые круги, и в центр одного из них он и ткнул, почти не соображая, что делает:

– Вот эту.

– Хорошо, – тетечка сняла с полки один из «пузырей», и тут зрение Егора восстановилось.

На миг испугался, что выбранная наугад водка окажется дорогой, но с него спросили немногим больше ста рублей. Взяв бутылку, с интересом глянул на этикетку: надпись «Геройская», по бокам орнамент из скрещенных мечей, а сверху – расправивший крылья дракон.

Такой водки Егор никогда ранее не встречал, но мало ли видов горячительного зелья выпускают заводы матушки России? И рьяная антиалкогольная кампания, начатая в последний год, ничуть не умерила их пыла.

Добравшись до дома, обнаружил, что Санька нет, зато в большой комнате и на кухне витает легкое похмельное амбре.

– Ну и ладно, – ожесточенно сказал Егор. – Стану бухать один.

Особым докой по части выпивки он себя не считал – так, пил иногда в компании одногруппников, в основном пиво, да еще употреблял по праздникам, когда оставаться трезвым вроде бы как-то неприлично.

В одиночестве Егору Грачеву предстояло надираться первый раз в жизни.

Он сварил полпачкипельменей, выложил в тарелку и выдавил на них остатки майонеза из пакетика. Вытащил из морозилки успевшую подостыть водку и наплескал примерно половину обычного стеклянного стакана.

На мгновение показалось, что водка светится, играет сиреневыми искрами, но Егор тряхнул головой, и видение исчезло.

– Пить не начал, а уже глюки, – пробурчал он и решительно вылил прозрачную жидкость в рот.

Горло обожгло, в голове зашумело, причем шум оказался странным, похожим на гомон. Егор поперхнулся, несколько секунд просидел с открытым ртом и торопливо взялся за пельмени.

Успел съесть примерно половину, когда осознал, что, во-первых, удивительным образом пьян, а во-вторых – хочет выпить еще. Душевная боль, вызванная Марининой подлостью, ослабела, проблемы, еще пятнадцать минут назад громоздившиеся со всех сторон подобно горам, отступили.

– И наплевать! – заявил Егор. – На всех! И на Петровича, и на Кашея, и на эту суку!

Он выпил еще, доел пельмени, а третью порцию «Геройской» проглотил вообще без закуски. И вот тут-то эйфория отступила так же неожиданно, как и возникла, и на смену ей пришла тошнота.

Некоторое время Егор боролся, а когда понял, что сил держаться больше нет, рванул в сортир. Едва успел откинуть крышку унитаза, как смешанные с майонезом и водкой пельмени хлынули из него мощной струей.

Из глаз потекли слезы, в голове снова появился шум и неожиданно преобразовался в голос:

– Слышишь меня, герой?

Голос был мягкий, певучий и вроде бы женский, но Егор все равно вздрогнул. Он четко знал, что подобные вещи слышат только шизофреники, а им положено сидеть в психушке.

– Слышишь меня, герой? – прозвучало вновь.

Егор проморгался и обнаружил, что лужица воды в унитазе, которой положено быть изгаженной блевотиной, блестит чистотой, да еще и отражает миловидное девичье личико.

– Э... а? – произнес Егор.

– Слышишь меня, герой? – в третий раз повторила девушка, причем звука не было, слова возникали прямо в голове.

– Я? Слыш-шу... Только я не ге-герой... – Несмотря на то что водка должна была покинуть организм, он по-прежнему чувствовал себя пьяным, и язык немного заплетался.

– Раз ты смог увидеть меня, то ты герой, – уверенно заявила девица.

Утонченно красивая, золотокудрая, с огромными синими глазами, она глядела на Егора так, словно была влюблена в него без памяти, и от этого взгляда голова кружилась сильнее, чем от спиртного.

– Ну... тогда да.

– Готов ли ты исполнить свое предназначение? – Лик девушки стал строгим и торжественным.

– К-какое? – Егор подумал, что в «Геройскую» наверняка добавили конопля, героина или ЛСД, иначе откуда такие яркие и необычные видения, но тут же отбросил эту мысль.

И это в водку, что стоит чуть больше сотни за пузырь? Для чего такие траты?

– Спасти целый мир от бесчинствующего зла! – заявила девушка так, будто каждое слово во фразе было заглавным. – Установить добро и справедливость, повергнуть негодяя!

– Но я... э... – Егор ущипнул себя за руку и едва не заорал от боли. Предположение, что это всего лишь сон и что сейчас он пьяным валяется под столом на кухне, благополучно скончалось. – Там же надо уметь... сражаться... быть сильным... все такое...

Мысли заметались, как стекляшки внутри калейдоскопа, вспомнились прочитанные книги и просмотренные фильмы в жанре фэнтези, те герои, что одолевали всяческих злодеев. Да, он не ошибся, победитель должен обладать громадными бицепсами, белозубой улыбкой, умением с одного пинка заваливать дракона и полным отсутствием прыщей.

Егор, честно говоря, совершенно не соответствовал этому образу.

– Ты герой, и этого достаточно! – безапелляционно заявила девушка. – Прыгай ко мне!

– Но я должен собраться... я не одет... я...

– Все у тебя будет! – и девушка улыбнулась так завораживающе, что Егор мигом позабыл все разумные возражения. – Только решительно скажи: «Я готов!» – и прыгай сюда, ко мне!

– В это? Туда? – он оглядел престарелый, заслуженный унитаз, видевший не одно поколение квартиросъемщиков: нет, этот точно не переживет, если брякнуться на него всем весом.

– Да!

– Но я...

И только пагубным воздействием «Геройской» водки можно объяснить то, что Егор перестал мямлить, распрямился во весь не такой уж большой рост, гаркнул «Я готов!» так, что в вентиляционной решетке заколыхалась паутина, и прыгнул в унитаз ногами вперед.

Вспыхнул белый свет, и тесный совмещенный санузел опустел.

Он лежал лицом вниз, упираясь во что-то колючее и горько пахнущее, а ветер охлаждал затылок. В голове царил приятная пустота, зато в животе урчало и булькало, словно там работал компрессор.

– Эй, вставай! – рявкнули в самое ухо.

– А? – Егор попытался перевернуться и сообразил, что необычно одет и что на ногах вовсе не любимые кроссовки.

– Вставай, дубина! – заорали вновь, на этот раз несколько громче. – Ты сюда что, лежать прибыл?

Егор напряг саднящие непонятно отчего мышцы, перевернулся на спину и сел. И, как выяснилось, проделал все это только ради того, чтобы глупо открыть рот и выпучить глаза.

Вокруг был лес, не причесанный городской парк, где каждый куст отделен от соседнего просекой, а глухая чащоба. Рядами стояли громадные сосны, торчали темно-зеленые конусы елей, пахло смолой и хвоей, а по глубокому синему небу ползли белоснежные облака.

А еще в воздухе висел крохотный пузатый человечек, похожий одновременно на торговца с одного из московских рынков и на персонажа восточной сказки: смуглый, носатый, чернявый, в шароварах и жилетке.

И за спиной у него трепыхались радужные крылышки.

– Ну и рожа, – прокомментировал человечек, и стало ясно, что вопил как раз он. – И это герой?

– А? – тупо повторил Егор и тут вспомнил, что с ним случилось: водка «Геройская», тошнота, разговор с отражением и прыжок в унитаз. – Где я? Что случилось? Где та девушка?

– Не успел появиться – бабу ему подавай. Точно – герой, – резюмировал человечек и проделал несколько заливчатских воздушных фигур. – И вопросов слишком много. Ты что, не знал, на что шел?

– Я... э... она появилась и позвала меня, я и прыгнул, – объяснение не отличалось внятностью, но иного в голову Егору не пришло.

– Да? Сейчас попробую объяснить понятными тебе словами... Так, – человечек завис перед лицом Грачева и уставился на него так, словно пытался заглянуть в мозжечок. – Ага. Девушка, которую ты видел, – это как привлекательный интерфейс у компьютерной программы. Сечешь?

Слышать подобное от крылатого существа длиной в полметра, облаченного в фиолетовые шаровары, было странно, и Егору вновь показалось, что он спит. Но попытка ущипнуть себя привела лишь к тому, что он нащупал оставшийся с предыдущего раза синяк и нервно вздрогнул.

– Секу... Это как реклама, да?

– Ну почти, – человечек кивнул. – Ты – герой, призванный в этот мир, он, кстати, называется Нифигляндия, чтобы спасти его от зла. Зло в данном случае воплощено в виде могучего черного мага, известного под прозвищем Три Пальца. Он тут, понимаешь, все под себя

гребет и тиранствует просто не по-детски. Посему нужно его урезонить, показать кузькину мать и все такое.

– И для этого нужен я? – Егор сглотнул.

Он до сих пор не мог поверить, что и вправду перенесся в другой мир, и ожидал, что вот-вот очнется либо в квартире с жутким похмельем, либо в реанимации ближайшей больницы.

– Ну, ты не ты, а герой – необходим. – Человечек задумчиво почесал подбородок. – Как ты вообще сюда попал, такой тупой? Давай рассказывай и не упускай подробностей, – в них, как известно, истина!

Егор прокашлялся и поведал о водке «Геройская» и негативных последствиях ее употребления.

– Да, – сказал человечек. – Клянусь всеми богами Вселенной, когда ты вернешься в свой мир, а точнее – если вернешься, то вряд ли еще раз сможешь купить подобный напиток. Ну ладно, – он скептически осмотрел Егора с ног до головы, точно сержант – новобранца. – Материальчик – так себе, но будем работать с тем, что есть. Во-первых, позволь представиться. Я – СУКА.

– Это я понял...

– Но-но, без грубостей! – человечек погрозил Егору кулаком, и кулак этот резко вырос, стал размером с хорошую дыню. – Я – Советчик Универсальный Карманный Ареальный. Такой положен каждому отправляющемуся на дело герою, чтобы подсказывать, ободрять и так далее.

– А имя у тебя есть?

– Как хочешь, так и зови.

– Тогда, может быть, Али-Баба? – предложил Егор, решив, что сомнения в реальности происходящего разумнее отодвинуть в сторону и вести себя так, словно все идет нормально.

– Ты что?! Какая я баба? – человечек закрутился в воздухе, точно крошечный истребитель.

– Тогда – Аладдин.

– Ну, это пойдет, – советчик завис на месте. – Твое имя я знаю, задачу я тебе назвал... Что еще?

Пока Аладдин размышлял вслух, Егор разглядывал себя: одежда, в которой он пьянствовал на кухне съемной квартиры, исчезла, ее место заняло нечто странное – одеяние, похожее на средневековый кафтан из грубой темно-зеленой ткани, удобные черные штаны, невысокие сапоги, широкий пояс, на нем висят небольшой мешочек и нож в ножнах.

– Вводную я тебе дал... – продолжал вспоминать Аладдин. – Да, точно – теперь мы должны вступить в контакт с аборигенами. Точнее – ты должен. А для этого нам предстоит двигаться на северо-запад, к ближайшему перекрестку, на котором стоит корчма.

– А может, не надо? – спросил Егор, вспоминая, что аборигенами фэнтезийных миров являются не только утонченные эльфы и трудяги-гномы, но еще и всякие злобные орки, некроманты и просто грубые невоспитанные мужики с тяжелыми мечами и любовью к насилию.

Вступать в контакт с подобными типами совершенно не хотелось.

– То есть как – не надо? – заволновался Аладдин. – Ты как мир собрался спасти? В одиночку? Нет, так дело не пойдет! У нас все делается по порядку: контакт с аборигенами, сбор сподвижников, обретение оружия! Назвался героем – полезай в приключения! Не умеешь – научим, не хочешь – заставим!

Под суровым взглядом советчика Егору стало стыдно, да еще помогла взбодриться мысль, что уж тут-то, в волшебной Нифигляндии, точно не будет зачетов, задержек зарплаты и предательниц Маринок!

– Хорошо, пошли, – сказал он, поднимаясь на ноги.

– Вот таким тебя люблю я, вот таким тебя хвалю я! – возликовал Аладдин и повел Егора через чащу.

Лес и в самом деле был диким, нехоженым, какого уроженец двадцатого века планеты Земля видеть не мог в принципе. Никто не осквернял эти чащобы с помощью топора, огня, и даже просто не топтал ногами, никто не охотился на живность, ходячую и летучую.

Зверей они, впрочем, не видели – то ли те сами предпочитали держаться подальше, то ли Аладдин выбирал маршрут так, чтобы не сталкиваться с обитателями зеленых дебрей.

– Интересно, а эльфы тут есть? – спросил Егор, перейдя вброд неширокий и неглубокий ручеек.

– В принципе – да, – ответил советчик. – Только они южнее живут, здесь для них холодно.

Пока вокруг не было ничего особенно фэнтезийного или просто интересного – стволы, усеянная хвоей земля, прогалины и холмы, заросли кустов, похожих на малину, – и Егор начал потихоньку уставать. Честно говоря, геройскую участь он представлял себе несколько иначе – гарцевание на лошади с мечом в руке, победоносные схватки и подвиги, а никак не скучная ходьба.

– Долго еще топать? – спросил Егор, когда пришлось обходить овраг, длинный, как железнодорожная платформа.

Аладдин обернулся, стало видно его недовольное лицо, вздернутая бровь.

– Если по меркам вашего мира, – сообщил он, – то примерно сто пятнадцать минут. Надеюсь, что ты не упадешь от слабости за это время? И вообще, ты когда-нибудь слышал о том, что физические нагрузки полезны для здоровья?

Егор открыл рот, чтобы ответить что-нибудь ядовитое, но неожиданно покраснел – слышать-то слышал, но спортом никогда не занимался, если не считать физкультуры в школе и институте.

Пришлось ограничиться мрачным сопением, а также скрежетом зубным.

Трепыхавший крылышками советчик передвигался в изрядном темпе, и чтобы поспевать за ним, приходилось прилагать усилия. Пот тек у Егора по лицу, мускулы не привыкших к нагрузкам ног жаловались на жизнь, а тяжелые сапоги, похоже, натирали мозоли.

Но он хорошо понимал, что если отстанет от Аладдина, потеряется, то из этой чащи точно не выберется, и поэтому старался изо всех сил, а тех оставалось не так уж и много.

– О, вот и дорога! – воскликнул советчик, когда они выбрались на просеку, украшенную колеями. – Пара этих... ваших километров, и будет перекресток, а на нем – корчма с аборигенами!

– А как я буду с ними разговаривать? – спросил Егор, радуясь возможности перевести дух.

Аладдин гордо раздулся как в переносном, так и в прямом смысле, став раза в полтора больше:

– Благодаря моей неоценимой помощи ты будешь понимать все языки Нифигляндии, включая секретные, жестовые и утерянные. Но не забывай при этом, что я – всего лишь СУКА!

– Сложно об этом забыть...

– Не ерничай! – Аладдин вернул себе обычные размеры, но зато побагровел от ярости. – Советчик Универсальный Карманный Ареальный, и в данном случае тебя интересует только последнее слово. Ареальный значит не то, что я привязан к какой-либо области, а то, что в реальности меня не существует. Меня, помимо героя, то бишь тебя, никто не видит и не слышит. Сечешь?

– Ну, ваще... – отозвался Егор.

– Это означает, что, во-первых, в людных местах тебе со мной лучше не разговаривать, – продолжал инструктаж Аладдин, – примут за идиота. Хотя так и так примут, тут шансов нет... И, во-вторых, в любой ситуации я смогу помочь тебе только советом. Функция типа «зайти в тыл врагу и ткнуть его ножом в спину» в моей спецификации не предусмотрена.

– Это почему?

– А потому, дубина, что герой сам должен совершать подвиги!

– Э, жаль, – Егор разочарованно вздохнул – очень уж заманчивой выглядела мысль использовать невидимого и неслышимого щеголя с крыльями для военных хитростей и подлостей.

– Да, тяжелый случай, – вздохнул и Аладдин. – Ладно болтать! Пошли, солнце садится!

Чтобы пройти обещанные два километра, пришлось совершить марш-бросок, но зато корчмы они достигли точно в тот момент, когда на небо выплеснулось красное море заката.

На просторах Нифигляндии много чудовищных, величественных и отвратительных мест, где согласно всем канонам положено «вить гнездышко» черным магам: гиблые болота, непроходимые чащобы, алчные пустыни, смертоносные горы с ущельями и острыми пиками...

Но Ольвхоретан Пердигийский Младший наплевал на эти каноны с высокой колокольни. Едва достигнув черномAGICеского могущества, он выстроил себе замок, но назвал его не Черным, а Серым, да еще и разместил в плодородной долине реки Риаро, неподалеку от морского побережья.

«Люблю загорать и купаться», – объявил он тогда приспешникам.

Приспешники, среди которых имелись типы, что служили Сумрачному Властелину Костей, наводившему ужас на Нифигляндию тридцать лет назад, призадумались. Кое-кто из них решил, что парень с пристрастием к солнечным ваннам не имеет шансов на карьерный рост, и поспешил уйти.

Как вскоре стало ясно, дальновиднее поступили те, кто остался.

Ольвхоретан Пердигийский Младший, получивший прозвище Три Пальца, развил такую активность, что не снилась в самых жутких снах ни Сумрачному Властелину Костей, ни Черному Охотнику, ни прежним темным магам, пытавшимся захватить власть над Нифигляндией.

За какой-то десяток лет Три Пальца стал правителем обширных областей, запугал две трети мира, и даже вынудил беспокоиться обитателей его окраин – ледяного севера и жаркого юга.

И при этом регулярно ездил к морю – загорать и купаться.

Но сегодняшний день величайший черный маг Нифигляндии провел в замке, хотя на дворе было лето и погода стояла отличная. Мало того, он заперся в самом секретном, укрытом в подземелье покое, что именовался Холодной комнатой, и просидел там до самого вечера.

Освещалась Холодная комната растущими на потолке ядовитыми грибами, и из-за них тут всегда стоял неприятный сладковатый запах. Пол и стены были голыми, без ковров или гобеленов, а в самом центре помещения имелся громадный стол и исполинское кресло возле него.

Все это выглядело так, словно кусочек кабинета большого начальника перенесли в подземелье.

Еще тут громоздились три громадных шкафа, набитых всем, что может понадобиться опытному и умелому черному магу: склянками со всякими эликсирами, костями и сушеными травами, драгоценными камнями и слитками металлов, толстыми книгами в кожаных

обложках, ритуальными ножами и кувшинами с крепким сладким вином, что делают у озера Ламинорх.

Выпить Три Пальца тоже любил и в выпивке разбирался хорошо.

Сейчас он восседал в кресле у стола, задумчиво вертел в пальцах перо и вглядывался в сумрак в дальнем конце помещения, где виднелось нечто похожее на пришитую к стене груди тряпья.

– Итак, мы можем четко и однозначно утверждать, что он здесь, – сказал Ольвхортан Пердигийский Младший, сам не любивший собственного имени и предпочитавший ему прозвище.

– Нет ничего однозначного в этом мире, – хриплым пропитым голосом изрекла «груда тряпок».

Она зашевелилась, и стало ясно, что это человек, а точнее – набор фрагментов человека, небрежно скрепленных между собой с помощью железных скоб и на самом деле пришитых к стене с помощью веревки. Кое-кто из обитателей славного города Фаридо мог бы узнать в нем мага и философа Утрака Светлобородого, пропавшего восемь лет назад при довольно таинственных обстоятельствах.

Выглядел он не так импозантно, как ранее, и не в последнюю очередь потому, что был мертв. Живых людей с глубокими, но при этом не кровоточащими ранами на груди, животе и голове не бывает.

– Опять начал бредить? – Три Пальца недовольно взмахнул рукой. – И зачем только я держу тебя?

– Для того чтобы использовать мой ум и знания, – ответил тот, кто ранее был Утраком Светлобородым. – Ведь только с их помощью ты добился того, чего добился, и стал тем, кем стал.

Черный маг вылез из кресла и неспешно прошелся туда-сюда по подземелью.

– Да, это правда, как три пальца откусить, – сказал он, останавливаясь рядом с одним из шкафов. – Хотя ты всегда говоришь правду в тех случаях, когда дело касается фактов. Мертвые не могут врать. Но начинаешь нести высокопарную ерунду, едва стоит дать волю твоему языку. Теперь слушай и смотри, кадавр, и готовься отвечать – четко, коротко и по существу.

Хозяин Серого замка махнул рукой, и над столом возникло изображение: лес и идущий по нему молодой человек, темноволосый и плюгавый, с ножом на поясе и ошеломлением на лице.

– Вот он, тот, кого призвала Нифигляндия для того, чтобы справиться со мной, – Три Пальца презрительно улыбнулся. – Вот на кого возлагают надежду занудливые дураки, белые маги, а также все, кому я почему-то не нравлюсь. А теперь ответь мне, ты, умеющий видеть и думать, каковы его шансы одержать победу надо мной?

Мертвый Утрак Светлобородый некоторое время смотрел на юношу, морщил лоб и кряхтел.

– Близи к нулю, – сказал он мрачно. – Похоже, случилась ошибка, и к нам прибыл вовсе не герой.

– Рад, что твои интуитивные выводы совпадают с моими, сделанными на основе логики и расчетов, – черный маг улыбнулся вновь, показав безупречные белые зубы. – Я, конечно, уделю ему внимание, но не особенно пристальное. Хватит одного серьезного удара, чтобы вывести этого рохлю из игры. А сейчас, извини, мне пора. Кажется, один из королей с Островов просил у меня аудиенции. Посему оставляю тебя скучать в одиночестве...

Он отвесил шутовской поклон и двинулся к выходу, искореженная тень поплыла следом. Грохнула тяжелая дверь, покрытая изнутри защитными рунами, проскрежетал засов, клацнул хитрый гномий замок.

– Об одном ты забыл, Ольвхоретан Пердигийский Младший, – прошептал мертвый философ. – Сильное и жесткое погибает, а слабое и мягкое – живет, и это – один из главных законов Вселенной.

Глава 2

Эльфы и пророки

Корчма больше походила на небольшой поселок, чем на питейное заведение: высокий частокол, над ним поднимаются крыши нескольких строений, у открытых ворот топчутся двое крепких парней с топорами и луками.

Завидев такое, Егор даже приостановился.

– Эй, ты чего? – Аладдин оглянулся. – Не нравится? Или ты в лесу хочешь ночевать?

Егор был прирожденным горожанином, даже лето в детстве всегда проводил дома, в силу того что бабушек и дедушек в деревне у него не имелось. Позже он несколько раз ходил в студенческие «походы», где главное – пьянка, так что о том, как можно устроиться на ночлег там, где нет кровати, не имел никакого представления. Подозревал только, что в чащобе будет темно, сыро, а то еще и явятся какие-нибудь любопытные или откровенно хищные твари.

– Нет, не хочу, – поспешно ответил он. – А чего они с оружием?

– Места тут дикие, опасные, – сообщил Аладдин. – Может вылезти кто-нибудь человеколюбивый, точнее – человечинолюбивый, или какие разбойники набегут... Иди, не бойся, я, если чего, подскажу. Денег у тебя в кошельке, кстати, хватит и на ужин, и на ночлег.

– А, ну ладно... – Егор попытался придать лицу решительное выражение и зашагал к воротам.

Охранявшие их парни уставились на него подозрительно, но без враждебности.

– Чего надо? – спросил тот, что стоял справа, круглолицый и светловолосый.

– Э... хм, ужин и ночлег... – промямлил Егор, стараясь не глядеть на Аладдина, висевшего неподалеку и делавшего то ли одобрительные, то ли издевательские знаки. – Ведь можно, да?

– Можно, – кивнул второй охранник, низкорослый и плотный, как мешок с цементом.

Поеживаясь под двумя внимательными взглядами, Егор прошел ворота и оказался на просторном дворе.

– Будь ты оборотнем или иной нежитью, амулет на воротах подал бы сигнал, – сообщил Аладдин. – Вон та хреновина. И тебя мигом взяли бы в топоры, мечи и в прочее.

Оглянувшись, Егор увидел, что на вбитом в одну из створок гвозде висит нечто вроде погребального венка, снабженного громадным количеством колокольчиков из светлого металла.

– А... зашибись, – сказал он.

Корчма стояла в окружении разнообразных сараев, назначение которых будущему менеджеру определить было сложно. Наверняка тут имелись конюшня, кузница, сеновал, еще всякие мастерские и хранилища, без каких не выжить в фэнтезийном мире, но опознать их Егор не мог.

Двор выглядел пустынным, только с крыльца деловито блевал могучий бородатый дядька в кольчуге.

– Хех, гляди-ка, наемник с востока, – со знанием дела заявил Аладдин. – Что он тут делает?

– По-моему, напивается, – ответил Егор, настороженно глядя на бородача.

Тот закончил опустошать чрево, ополоснулся из стоявшей у крыльца бочки и скрылся в корчме. Из-за приоткрытой двери донесся жуткий рев, смех и гомон, и Егору совершенно расхотелось туда заходить.

– Иди-иди, – советчик мгновенно заметил его колебания. – А то эти, у ворот, решат, что ты лазутчик...

Деваться было некуда, так что Егор на дрожащих ногах пересек двор и поднялся на крыльцо. Взялся за шершавую, занозистую ручку, помедлил, не слушая яростных понуканий Аладдина, а затем шагнул внутрь.

И едва не задохнулся, глотнув того, что заменяло в корчме воздух, – смеси запахов мужского пота, кожи, подгоревшего мяса, пива, лука, чеснока, грязных портянок, хлеба и еще чего-то незнакомого, но ядреного. Чуть не оглох, когда по ушам ударило нестройное пение, сопровождаемое мелодичным бречением, пронзительным визгом, стуком, хохотом и отдельными выкриками.

Просторный зал был уставлен огромными столами, на длинных лавках сидели, ели, пили и болтали мужчины дикого облика. Около громадного очага, где грызло поленья высокое пламя, располагался терзавший струны лютни певец, за стойкой громоздился, судя по всему, хозяин.

Огромный и волосатый, как медведь, он уставился на Егора вопросительно.

– Иди к нему! – рявкнул в ухо зависший над плечом Аладдин. – Еды закажи и ночлега! Эх и народу тут сегодня, точно на праздник Середины Зимы. Откуда только набежали?

Сидевшие ближе к очагу слушали певца, у стола в дальнем углу дрались, в стороны летели кровавые сопли и выбитые зубы, на полу у стенки кто-то раскатисто храпел. Тут были не только люди – пробиравшийся к стойке Егор заметил пару бородатых коротышек, похожих на гномов, еще кого-то с зеленой кожей и ежиком белых волос.

– Да? – прорычал хозяин, когда Егор оказался перед ним.

– Э... ну... хм... мне бы...

– Не мямли! – рявкнул Аладдин так, что Егор едва не подпрыгнул. – Ты же герой!

– Мне поесть! – воскликнул он. – И комнату на ночь!

– Жратва сейчас будет, свинина, хлеб, пиво, – сообщил хозяин. – А комнат нет. Могу пообещать лавку в одной из общих спален. И обойдется все это тебе, парень, в полновесный секлийский золотой!

– Торгуйся! – в голосе советчика прозвучало возмущение. – Три серебряных давай!

Его и в самом деле никто не видел и не слышал – ни один взгляд не обратился в ту сторону, где махал радужными крылышками облаченный в яркий наряд крохотный человечек.

– Нет... я... – свирепый взгляд хозяина корчмы давил, и слова застревали в горле. – Это дорого... Три серебряных!

– Дорого? – на заросшей физиономии зародилась улыбка, похожая на зубастое ущелье. – Тогда вали на все четыре стороны, ха-ха. Ладно, так и быть, сегодня я добрый – пять серебряных.

– Я согласен, – Егор поспешно кивнул, не слушая ругани Аладдина: запасы смелости подходили к концу, и он боялся, что просто-напросто начнет трястись и заикаться от страха.

Слишком жутким выглядел хозяин, страшными казались его гости, пьяные и наверняка вооруженные, способные прирезать чужака только за то, что он им не понравился.

В мешочке, что висел на поясе, обнаружилась дюжина больших золотых монет с изображением пятизубой короны на одной стороне и вставшего на задние лапы крылатого льва – на другой. Егор, вздрагивая и оглядываясь – не собирается ли кто-то его ограбить? – вытащил одну и положил на стойку. Хозяин попробовал ее на зуб, одобрительно крякнул и спрятал в карман фартука, а взамен извлек оттуда пять похожих монет, но отчеканенных из серебра.

– Место ищи себе сам, – сказал он. – Еду я принесу, лавку для сна покажу...

И волосатый здоровяк отвернулся, всем видом показывая, что клиент его больше не интересуется.

Егор же беспомощно огляделся, пытаясь найти в громадном зале уголок почище и поспокойнее. С таким же успехом он мог искать утонченность в казарме – на столешницах валялись обглоданные кости, крошки, черепки разбитой посуды, темнели крохотные лужицы, свободных столов не было вообще, кое-где на лавках виднелись просветы, но за любой из них пришлось бы повоевать.

– Чего встал столбом? – осведомился Аладдин. – Иди, садись...

– Куда? – шепотом отозвался Егор. – Прикинь, тут все занято, и вряд ли мне кто уступит...

– Ты герой или кто?! – в голосе советчика прорезалось возмущение. – Тебе вообще бояться не положено! Особенно всякой кабацкой швали! Давай, выбери кого похилее и сбрось его с лавки!

Большинство посетителей корчмы габаритами могли поспорить с ее хозяином, гномы отличались чудовищной шириной плеч, и существ, к которым можно было применить определение «хилый», тут не имелось вовсе.

Кроме того, почти все сидели компаниями, а связываться с толпой здоровяков Егору хотелось еще меньше, чем с одиночкой.

– Я... – начал он.

– Действуй! – взвизгнул Аладдин и вонзил нечто острое Егору в лопатку.

Это оказалось так больно и неожиданно, что он скакнул вперед и толкнул сидевшего с краю ближайшей лавки мужика. Тот обернулся, стал виден свирепый оскал, загорелая физиономия и близко посаженные темные глаза, блестевшие из-под спутанных рыжих волос.

– Ты чо? – спросил мужик.

– Место уступи... те... – то ли проблеял, то ли пискнул Егор и с трудом удержался от того, чтобы не добавить «пожалуйста».

Герою в подобной ситуации вежливость не к лицу.

– Щас, – пообещал рыжий, и сидевшие с ним за одним столом типы дружно замолчали.

Заросшие, загорелые, остроглазые, они напоминали то ли охотников, то ли разбойников, и на Егора смотрели со злорадным ожиданием – сейчас этот нахал получит в зубы и полетит в угол.

Рыжий поднялся, двигаясь нарочито лениво и медленно, и ударил, стремительно, как атакующая рысь.

– Ой... – воскликнул Егор, пытаясь закрыться от удара.

Под ногу попало что-то, он споткнулся, качнулся, и чужой кулак просвистел мимо, лишь слегка зацепив ухо. А Егор, пытаясь восстановить равновесие, подался вперед, и так вышло, что боднул рыжего в лицо. Хрустнуло, и ползший в драку тип отскочил, прижимая руку к разбитому носу.

– Ах ты тварь, клянусь подземельями Рахидрона... – прошипел он. – Я...

– Молодец! Отлично! – завопил Аладдин. – Так его! Добавь еще – левой в голову, правой – в печень!

По взгляду рыжего Егор понял, что его сейчас будут бить, причем очень сильно.

– Стоять! Хватит! – звучный голос прозвучал за спиной Егора, и на лице рыжего отразилось разочарование.

– Тебе до него что за дело, Акимэль? – низким голосом спросил самый могучий из сидевших за столом, с плетеным кожаным ремешком на лбу и старым шрамом от когтей на правой щеке.

– Считаю, что он мне понравился, – говоривший подошел и встал плечом к плечу с Егором. – Пойдем, парень. Не стоит связываться с теми, кто поклоняется Пожирателю. Ты найдешь место за моим столом.

Егор повернулся и обнаружил, что около него стоит певец, ранее сидевший рядом с очагом, и еще понял, что этот певец – не человек. Черные кудри, остроконечные, точно у кошки, уши, темно-фиолетовые глаза с приподнятыми наружными уголками и полное отсутствие щетины на щеках и подбородке.

Все говорило о том, что тот, кого называли Акимэлем, принадлежит к народу эльфов.

– Ах ты... – начал было рыжий, при упоминании «Пожирателя» нервно вздрогнувший.

– Стоять! – осадил его здоровяк с ремешком и шрамом. – Пусть идут.

Рыжий буркнул что-то свирепое, но послушаться на посмел.

Эльф привел Егора к столу, за которым пьянствовала компания оборванных и грязных дядек. Точнее, пьянствовали только двое, остальные лежали мордами в тарелках и дружно похрапывали.

– А... это ты? – сказал один из стойких алкашей, глядя на эльфа.

– Я, кто ж еще? – Акимэль спихнул одного из храпунов под стол, и на лавке освободилось место. – Вот, так куда лучше. Садись, друг, не знаю, как тебя зовут, только ноги на него не ставь.

– Егор, – назвался Грачев. – И все же, почему вы мне помогли?

Внутри бродили отзвуки пережитого страха, заставляли поглядывать в ту сторону, где остался рыжий и его приятели. Егор понимал, что в настоящей драке не имел бы шансов – его бы отлупили до полусмерти, и Нифигляндии пришлось бы обходиться без героя.

– Я – Акимэль, – сказал эльф так, словно это все объясняло. – Я – стрелок, поэт, певец, путешественник и художник. А еще я прожил более трехсот лет и за это время научился узнавать ситуации, в которых требуется мое вмешательство. Клянусь Серебряным Оком, ты выглядишь очень необычно, особенно для этих мест, и кажется мне, что странная судьба ведет тебя.

– У эльфов с интуицией полный порядок, – пробурчал Аладдин, болтавшийся где-то под потолком.

– А, ну... хм... спасибо, – Егор кивнул. – А кто такой Пожиратель?

Акимэль посмотрел на него с удивлением, привычным движением пригладил смоляные кудри.

– Откуда ты такой взялся, друг? – спросил он. – Ладно, не мое дело. Пожиратель – местное прозвище Скрытого Владыки, Аш-Райтана, а те, с кем ты сцепился, служат его храму, что находится севернее, в предгорьях Табуруна. Дикие охотники, исполнители наказаний, верные союзники того, кто известен как Три Пальца, – произнес последние два слова, эльф скривился. – Ага, а вот и еда...

Подошедший хозяин поставил на стол большой глиняный кувшин, такие же кружки. Егору достались две тарелки, одна с кусками серого ноздреватого хлеба, а вторая – с полосками жареного мяса.

– Вилки тут не знают, – сообщил Аладдин, то ли прочитав мысли Егора, то ли догадавшись, о чем думает уроженец другого мира. – Пользуйся ножом. Тем, что у тебя на поясе.

– Ты ешь, потом поговорим, если что, – сказал Акимэль, разливая по кружкам нечто мутное, с кислым запахом. – Пиво он варит неплохое и не разбавляет, стоит признать. Ну, за знакомство...

Они чокнулись, и Егор с опаской пригубил мало напоминавший «Балтику» или «Ярпиво» напиток. Тот оказался немного похож на квас без сахара и еще почему-то отдавал плесенью.

Еда была куда лучше, хотя и не совсем привычной на вкус – хлеб мягкий, с хрустящей корочкой, мясо – не очень жирное, прожаренное как раз в меру. Егор жевал, время от времени прихлебывая из кружки и старался не слышать, чего там лопочет выюющийся над столом Аладдин.

– Непорядок... как же так?.. – возмущался тот. – Этот эльф должен был сразу напроситься к тебе в спутники, сделаться первым сподвижником. Но он и не собирается, похоже... Бардак! Опять все идет наперекосяк! И кому расхлебывать? Не иначе как мне...

Эльф лениво цедил пиво и выглядел на редкость обыденно, без малейшей мистической утонченности или надменной таинственности. Он был тощий и жилистый, одет почти так же, как Егор, и напоминал не Перворожденного из книг Толкиена, а обычного бродягу-хиппи.

О нечеловеческом происхождении не давали забыть разве что фиолетовые глаза и острые уши.

Народу в большом зале корчмы понемногу становилось меньше, наевшиеся и напившиеся гости уходили в дверь рядом со стойкой. Пламя в очаге понемногу опадало, за окнами темнело, и даже гомон постепенно стихал, шумные пьяницы либо засыпали прямо на месте, либо их уносили сотрапезники.

Дикие охотники, союзники главного черномагического злыдня, продолжали сидеть на месте, и Егор время от времени замечал бросаемые в его сторону взгляды, полные отнюдь не братской любви.

– Здесь они тебя не убьют, даже не попытаются, – лениво заметил Акимэль, перехватив один из таких взглядов. – Не захотят ссориться с хозяином. А вот стоит тебе выйти за ворота...

– И что же мне делать? – Егор едва не поперхнулся, кусок встал ему поперек горла.

– Не знаю, – эльф равнодушно пожал плечами. – Ты можешь попытаться выскользнуть рано утром, когда они еще спят, или найти попутчиков, достаточно многочисленных и смелых, чтобы слуги Пожирателя не отважились на них напасть. Ты вообще куда идешь?

Егор, не знавший ответа на этот вопрос, срочно сделал вид, что его одолела страшная жажда, и припал к кружке.

– Любопытный какой, – проворчал Аладдин, спустившийся пониже, чтобы видеть лицо Акимэля. – Скажи ему, что на юго-восток, в сторону переправы через Ферт. Сечешь, дубина?

Егор кивнул и повторил то, что услышал от советчика.

– Да? – эльф, судя по улыбке, не особенно поверил собеседнику.

– На самом деле ты первым делом должен обрести настоящее геройское оружие, – сообщил Аладдин, – и с этой целью мы отправимся в Некрополь Петрона, что лежит прямо на севере. Но этому остроухому шустряку с лютней знать об этом вовсе не обязательно...

Егор краем глаза заметил движение и, повернув голову, обнаружил, что дверь корчмы открылась и кто-то стоит на пороге. А в следующее мгновение в зале наступила полная тишина – замолчали все, даже пьяницы в углу, уныло мычавшие похабную песню.

Новый гость был стар, высок и слеп, держал в руке тяжелый суковатый посох, а рубище висело на нем как на вешалке. Седые волосы красивыми волнами ниспадали на плечи, а глаза напоминали два шарика для игры в пинг-понг.

– Проходи, почтенный, да хранят тебя светлые боги, – хозяин выбрался из-за стойки и поспешно засеменил к двери. В голосе его прорезались опасливо-угодливые нотки. – Рад буду принять тебя под своей крышей.

– Мир тебе и всем мир, – пророкотал старик, развернулся и с необычной для слепца ловкостью пошел между столами.

Он шагал уверенно, лишь иногда касаясь пола кончиком посоха, ни разу ни за что не зацепился, никого не задел и направлялся при этом к столу, за которым сидели Егор и Акимэль.

Хозяин топал следом, и физиономия его отражала растерянность.

– Ага, вот каков тот, о коем положено мне возвестить, – сказал старик, и Егор ощутил на себе взгляд затянутых бельмами глаз. – И все говорит о том, что ты явился в наш мир, дабы его спасти...

Седовласый ткнул посохом вверх, прямо в Аладдина, и едва не сбил его, точно муху.

– Эй, поаккуратнее! – взвизгнул шарахнувшийся в сторону советчик. – Прорицатель хренов!

– Да, я прорицатель, – подтвердил старик, похоже, слышавший Аладдина не хуже, чем остальных. – И я пришел сюда, дабы предречь то, что случится неминуемо! Тот, кто подчинил себе полчища алчные, падет! И земли вздохнут свободно, и весы качнутся в иную сторону!

Глотка у дедугана была луженой, напрягшись, он вполне мог перекричать целый стадион разъяренных фанатов. Посетители корчмы внимали ему в почтительном молчании, лишь потрескивали угли в очаге, и храпел кто-то из забытых под столом пьяниц.

– Скоро, скоро придет иное! – Посох с грохотом ударился в пол, и здание качнулось. – И луч света воссиял в темном царстве! И вот он, этот луч, та искра, из которой разгорится пламя!

Поднялась морщинистая длань, и узловатый палец указал на Егора.

Тот вздрогнул, поняв, что стал центром всеобщего внимания, и с трудом отогнал желание спрятаться под стол.

– Так будет! – возопив в последний раз, старик кивнул и затопал обратно к двери.

– Эй, постой, почтенный... – заюлил вокруг него хозяин. – Разве ты не останешься? Куда идти на ночь глядя? Я угощу тебя диким медом и акридами... прикажу наловить, уложу спать на угловатых камнях.

– Путь зовет меня, я должен идти во тьму, дабы нести свет, – туманно отозвался старик и вышел вон.

А Егор торопливо опустошил собственную кружку.

– Нас почтил визитом сам Таундес Быстрорукий, – сказал Акимэль, рассматривая себе седника с новым интересом. – Был воином, прославленным полководцем. Но после удара булавой по голове ослеп, чуток сошел с ума и обрел вещий дар. Вот уже больше десяти лет бродит по северным землям, редко когда проводит сутки на одном месте, вообще нечасто бывает под крышей. Но зато тому дому, в котором он остановился на ночлег, боги даруют счастье и изобилие... Да, не зря я заметил в тебе что-то необычное.

Егор попытался изобразить улыбку, но вышла жалкая гримаса: на него пялились со всех сторон, глядели с удивлением, любопытством, а слуги Пожирателя – с откровенной ненавистью.

Да, теперь они точно не дадут ему уйти просто так...

– Уф, с этими пророками каши не сваришь, – пожаловался Аладдин. – Мало того, что у меня до сих пор в башке звенит от его ора, так еще и сохранить инкогнито не вышло, и все такое. Скоро последний бонд в окрестностях будет знать, кто ты такой, и слухи поползут... Хотя, может быть, это и неплохо? Вдруг этот эльф все же решит стать твоим спутником? Попробуй его уговорить!

– Э... хм, ну... ты мне не поможешь? – выдавил Егор.

Усевшийся на край стола советчик возвел глаза к потолку и схватился за голову, показывая, как он оценивает такое «красноречие».

– Ускользнуть от этих парней? – эльф кивнул в сторону слуг Пожирателя.

– Да, от них.

– Не хочется мне в это ввязываться, – Акимэль заглянул в кувшин и поморщился, обнаружив, что тот пуст. – Ваши геройские дела не для простых людей, эльфов или гоблинов. Любой, пошедший за одним из таких, как ты, почти гарантированно попадает в песни и

легенды, но лишается шанса прожить спокойную, нормальную жизнь. Свою жизнь я, правда, не назову ни спокойной, ни нормальной, но она меня устраивает и менять ее я не хочу.

– А как же этот, Три Пальца? Он же – зло! – воскликнул Егор.

– А ты, значит, добро? – Акимэль усмехнулся. – Не все так просто, друг. Такие, как он, нужны не меньше таких, как ты, и без одного не было бы другого. Ладно, так и быть. Я выведу тебя, помогу стряхнуть погоню, но на этом, клянусь Серебряным Оком, наши пути разойдутся.

– С паршивого эльфа хоть уха клок, – прокомментировал Аладдин.

– Удрать попробуем до рассвета, – сказал Акимэль. – Я сам тебя найду, а теперь отправляйся спать...

Помимо трапезного зала и кухни на первом этаже корчмы размещались две большие спальни, каждая на пятнадцать человек. Тут не имелось кроватей, только лавки, достаточно широкие, чтобы с них не упасть, но при этом без всякого намека на подушки или одеяла.

– Вот тут твое место, – сказал провожавший Егора хозяин, указывая на лавку, что находилась у самого окна.

Все прочие были заняты, на них храпели, сопели и причмокивали мужики, не так давно поглощавшие свинину и пиво в общем зале. Царивший тут запах намекал на проблемы с пищеварением, расставленные там и сям сапоги с повешенными на них портянками воздух тоже не озонировали.

– А как... – начал Егор, собравшийся возмутиться насчет подобных условий, но хозяин не стал его слушать, просто развернулся и ушел.

Естественно, что он утащил с собой и свечу, и в помещении стало темно. Через окно, затянутое бычьим пузырем, протиснулся слабый лунный свет.

– А вот так, – довольно сердито заявил Аладдин. – Давай ложись и закрывай глаза, будем работать.

– Ну, ты ваще! Я спать хочу!

– Не геройское это дело – спать! – невидимый во мраке советчик, находившийся сейчас где-то за спиной Егора, хихикнул. – Я обязан провести с тобой краткий ликбез на тему «Нифигляндия: обзор мира, и все такое». Иначе ты так и будешь выглядеть, как сегодня, распоследним лохом. А когда организовать столь нужное мероприятие, как не сейчас? Днем, поверь мне, будет некогда.

Егор застонал, но, понимая, что спорить с Аладдином все равно что плевать в воздух, делать этого не стал. Стащил сапоги, улегся на лавку, предсказуемо твердую, но хотя бы гладкую и лишенную заноз, и с тяжким вздохом произнес:

– Ну давай, бухти... как космические корабли бороздят просторы Большого театра...

Аладдин хихикнул еще раз, голова у Егора закружилась, и он провалился во что-то, очень похожее на сон, но при этом лишенное отрывочности и бессвязности ночных видений. Он увидел громадный мир, плоский и круглый, точно блин, окруженный со всех сторон океаном, и понял, что это и есть Нифигляндия, призвавшая героя для борьбы с черным магом.

А дальше понеслось – Егора мотало туда и сюда, он видел ядовитые зеленые джунгли юга, заброшенные храмы в белоснежной пустыне, величественные города и плывущие по морям корабли с разноцветными парусами. Лицезрел башни, выстроенные магами-отшельниками в диких горах, обширные поля и необозримые степи, по которым кочевали не только люди.

А прямо в ухо лился голос, негромкий и монотонный, совсем не похожий на голос Аладдина:

– Город Фаридо, – вещал он. – Последние двести лет – столица Фаридийского королевства, центр ремесла и торговли. Семнадцать лет назад на трон воссел Тарги Пятый, про-

званный Забиякой, нынче он поражен тяжелой немочью, и на наследство претендуют его брат Варток и двое сыновей...

Информация текла потоком, ее было очень много, подробности сыпались горами, имена сменялись именами, даты – датами, а Егор слушал, будучи не в силах остановить эту лекцию.

Как-то обдумывать то, что он узнавал, времени не было, но все же Егор сумел сообразить, где находится в данный момент: на северной окраине цивилизованного мира, в лесистой области, что тянется вдоль Зубастых гор и никому вроде бы не принадлежит.

Он узнал об эльфах оседлых и эльфах кочевых, о гоблинах, что обладают уникальным талантом уживаться со всеми другими расами, но зато не могут создать собственного единого государства, о жителях подземелий, где встречались не только гномы, об Островах – громадном архипелаге, раскинувшемся на пространстве, которого хватило бы на целый материк.

Затем Егору показали тех, кого жители Нифигляндии именовали богами: могучих, но при этом почти неразумных, безмысленных, но дающих этому миру возможность существовать.

Серебряным Оком в этом мире именовали Луну, покровительницу странников.

Аш-Райтан, Скрытый Владыка, повелевал тьмой и смертью.

Помимо них имелись два десятка других, каждый со своей «областью ответственности», атрибутами, священными символами, храмами и фанатичными последователями.

Узнав все о богах, Егор понял, что в голове у него образовалась не просто каша, а каша, сваренная из нескольких видов крупы, и что она давит изнутри на стенки черепа, готовясь разорвать его. Ощущение было мерзкое, а занудный голос и не думал останавливаться, начав повествовать о том, какая в мире Нифигляндии существует магия и кто как ей пользуется.

Видение прервалось так же внезапно, как и началось, и Егор осознал, что лежит на лавке, шея затекла, башка трещит как с похмелья, а в приоткрытое окно врывается свежий воздух.

Аладдин вился сверху, точно ворон над трупом, и корчил страшные рожи.

– Вставай, друг, – шепотом сказали за окном, и Егор понял, кто его разбудил: Акимэль, как и обещал, явился на рассвете. – Надо уходить, пока слуги Пожирателя не продрали глаза.

– А? Да, сейчас...

Егор встал с лавки, помассировал затылок и принялся натягивать сапоги.

За окном было довольно светло, доносились негромкие птичьи трели.

– Выбирайся в окно, – велел эльф, когда Егор поднялся на ноги. – Через зал незамеченным не пройти.

Отошедшая в сторону рама громко скрипнула, и усевшийся на подоконник Егор обмер, боясь услышать, что резкий звук разбудил кого-то из соседей по комнате. Но обошлось, никто не поднял головы, даже не заворочался, чей-то прервавшийся храп зазвучал вновь.

Егор вздохнул и вывалился наружу, прямо под ноги Акимэлю.

Тот был готов в дорогу – за спиной мешок, из-за плеча выглядывает древко лука, у пояса – небольшой, словно игрушечный топор.

– Это чтобы черепа разбивать, – перехватив взгляд Егора, пояснил эльф. – Метать его можно, ну и для остального годится: дров нарубить, обтесать что-нибудь. Удобная штука-вина.

Вылетевший из окошка Аладдин издевательски заухмылялся: наверняка знал, подлец, что на Земле такие вещи, как эльфы и топор, считаются несовместимыми, что остроухих воителей в кино или в книгах обязательно изображают с луком или в крайнем случае – с длинным узким мечом.

– Пошли, – Акимэль махнул рукой и зашагал вовсе не к воротам, а куда-то за сарай, пристроенные к корчме с правой стороны.

Обойдя ее с тыла, оказались у частокола, выглядевшего тут немного пониже, чем в других местах. Эльф осмотрелся, прислушался, взлетел на его гребень точно белка по стволу сосны и замер, невероятным образом удерживая равновесие.

Егор только рот раскрыл.

– Забирайся, – сказал Акимэль, и вниз полетела веревка.

– Ну, я попробую.

Егор вспомнил, как на уроке физкультуры в школе мучился, пытаясь взобраться по канату, поплевал на ладони и полез вверх, надеясь, что не сильно опозорится.

К его удивлению, все оказалось не так сложно – ободрав ладони, он взобрался на частокол и спрыгнул на другую сторону. Эльф легко и изящно приземлился рядом, смотал веревку и убрал ее в мешок.

– Ой, герой! – захихикал Аладдин, попросту перелетевший через преграду. – Как мешок с дерь...

Он замолчал, и в тот же миг из чащобы, окружавшей корчму, донесся залиvistый свист. В ответ засвистели с нескольких сторон, и заросли зашевелились, пропуская вооруженных мечами людей. Егор вздрогнул, узнав рыжего, с которым вчера сцепился, а также могучего дядьку с кожаным ремешком.

Стоило признать, что попытка бегства не удалась.

– Вот мы и встретились снова, – сказал могучий обладатель ремешка. – К тебе, остроухий, у нас нет претензий. Можешь валить на все четыре стороны. А тебя, парень, – взгляд темных, спокойных глаз обратился на Егора, – мы просто уьем. Твою душу возьмет Пожиратель, и все будут довольны.

Эльф оскалится и зашипел, точно кот, рука его потянулась к топору.

Егор замер, открыв рот и не зная, что предпринять.

Аладдин заулыбался и пробормотал себе под нос:

– Сейчас будет сюрприз...

Круглое море расположено на северо-востоке Нифигляндии, и на его берегах обитают представители многих рас. На востоке, где лежат Розовые горы, к нему примыкают владения гномов, с юго-запада, где простираются степи, порой являются кочующие эльфы, негостеприимные северные области населяют свирепые и необщительные тролли.

А прямо с юга, где в море множеством рукавов впадает река Еконг, высится город, известный по всему миру как Сто Башен. И знаменит он не только тем, что в последние две тысячи лет ни разу не был взят врагом, но еще и тем, что тут расположена Небесная Пирамида.

Подобная рукотворной горе, поднимается она среди меньших строений, и вершина ее ночами светится, испуская в небеса похожий на копье белоснежный луч. А внутри, за голубыми стенами, тусуются лучшие маги Нифигляндии, посвятившие жизнь постижению тайн естества и борьбе со злом.

Тут учат молодых чародеев, придумывают новые заклинания и волшебные приспособления, а также противостоят Тьме, что порой воплощается в могучих колдунах, стремящихся к власти над всем миром.

Сегодня, ранним утром второго дня второго летнего месяца, что носит среди людей имя саможар, в тот час, когда большинство горожан еще спали, в Небесной Пирамиде царило необычное оживление.

Ученики, лишённые еще права на бороду и на посох, бегали по лестницам, доставляя из кладовых разные ингредиенты, потребные для хитрого и долгого колдовства. Ну а маги

постарше толпились в главном заклинательном покое на верхнем ярусе строения и творили воистину необычное волшебство.

Проникни в этот покой невежда, он бы унюхал чадающие жаровни, набитые ароматными и вонючими ингредиентами, услышал бормотание, выкрики и протяжное шипение, увидел бы плавающие по воздуху облака разноцветного дыма, многочисленные вспышки всех цветов радуги.

Но не понял бы ничего.

Даже чародей средней руки не смог бы разобраться в происходящем, скорее оторвал бы и слопал собственную бороду.

– Ага, готово! – обрадованно воскликнул главнейший из магов Пирамиды в тот момент, когда в окошко покоя заглянуло только-только высунувшееся из-за горизонта солнце.

Звали этого чародея Вавасидха, седая борода его достигала пола, возраст перевалил за два века, а мантия была такой белоснежной, что даже пылинки не осмеливались садиться на нее.

– Слава нашему упорству и уму! – воскликнул Пешвамित्रа, второй в иерархии чародей, умом как раз не отличавшийся, зато обладавший неплохими способностями к продвижению по карьерной лестнице, то бишь наглостью, хитростью и полным отсутствием совести.

Маги, конечно, кое в чем отличаются от обычных смертных, но отнюдь не во всем.

– Тихо ты! – осадил его Вавасидха, не питавший иллюзий относительно способностей заместителя. – Осталось подсечь и вытащить результат, чтобы все его увидели...

Находившиеся в заклинательном покое два десятка чародеев замерли и затаили дыхание, глядя, как их предводитель бестрепетно шагнул к центру магического рисунка, туда, где клубился серовато-розовый дым и в нем угадывались очертания пюпитра с уложенным на него листом пергамента.

Пара заклинаний, и дым рассеялся, нарисованный углем на полу круг погас, став обычным сплетением черных линий. А Вавасидха протянул руку и взял листок, на котором виднелась яркая картинка, похожая на высококачественную фотографию.

С нее напряженно улыбался темноволосый молодой человек, чью голову окружало яркое белое сияние.

– Точно, герой, и он прибыл в наш мир вчера, – сказал Вавасидха, взглядевшись в ряд символов, идущих в нижней части картинки. – С ним СУКА, его не видно, но параметры магического поля не оставляют сомнений. Зовут этого парня Егор... хм, имя, конечно, банальное, но ничего, сойдет...

Маги загалдели, точно орава вырвавшихся с урока школьников.

– И что теперь? – осмелился спросить Пешвамित्रа.

– А теперь мы можем вытереть со лбов честный трудовой пот и закатить вечеринку. – Вавасидха выглянул в окно и поправился: – А точнее, утренник. Ты отправишься в город за девочками, Лохаваджья спустится в подвал за вином и попутно даст пинка поварам...

– Но как же так! – подал голос самый молодой маг, начавший отращивать бороду всего год назад и поэтому по сравнению с коллегами выглядевший крайне несолидно. – Разве мы не должны помочь герою? Объединить с ним силы, чтобы повергнуть Трех Пальцев и сокрушить зло...

Вавасидха посмотрел на него по-отечески – с мягким, но непреклонным осуждением:

– Сразу видно, что тебе еще совершенствоваться и совершенствоваться в чародейских науках. Мы много лет, не покладая рук и... всего прочего, трудились, сдерживая Мрак. Теперь пришел герой, и даже последнему дураку ясно, что он свалит Темного Властелина одной левой, ибо таково его предназначение. А от нас требуется лишь не мешать.

Молодой маг засопел и отвел взгляд.

– Так, чего замерли? – Вавасидха свирепо воззрился на подчиненных. – Или я отдал непонятные приказы? Ты – за девчонками, ты – на кухню и за вином, ты – проследи, чтобы все тут убрали... Гуляем, братва!

Маги, как уже говорилось, кое в чем отличаются от обычных смертных, но отнюдь не во всем. В том, что касается перекладывания ответственности на чужие плечи, они дадут сто очков вперед кому угодно.

Глава 3

Мерцающие топи

– Ага-га! – заорали у Егора прямо за спиной.

Участок частокола с грохотом и треском рухнул наземь, в стороны полетели щепки и комья земли. В проем вырвался некто огромный, вооруженный здоровенной дубиной, и ринулся на слуг Пожирателя.

Рыжий взмахнул мечом, лязгнуло, и погнутое оружие улетело в заросли.

Раздалось звучное «тум-тум-тум», и возжаждавшие Егоровой смерти негодяи принялись падать наземь, как сбитые кегли. Гигант с дубиной размахивал ей с такой скоростью, что выглядел размазанным пятном, и время от времени вопил, нечленораздельно, но откровенно азартно.

– Клянусь Серебряным Оком... – удивленно пробормотал Акимэль.

– Беги, чего замер! – рывкнул Аладдин, и ноги Егора, ранее хозяина сообразившие, что нужно делать, пришли в движение.

Он метнулся вдоль ограды, краем глаза заметил, что эльф ринулся следом. Забежал в лес, по лицу хлестнули ветки, так что пришлось вскинуть руку и закрыть лицо. Споткнувшись, едва не врезался башкой в толстую ель, затем влетел ногой в муравейник...

– Стой! – гаркнул Акимэль.

– Э... да? – Егор с трудом остановился и принялся стирать с лица пот и налипшие иголки.

– За нами кто-то идет, – топор был уже в руках эльфа, на узкой физиономии застыла хищная гримаса. – Если это враг, то встретим его как полагается, если тот, кто я думаю... Давай сюда.

Они засели за здоровенным выворотнем, и Егор совершил подвиг, постаравшись дышать потише. Даже попытался зажать рот, но быстро понял, что это опрометчивый поступок – голова чуть не лопнула.

Через мгновение и сам услышал тяжелые шаги, треск сучьев, а затем увидел громадную фигуру с дубиной на плече.

– Это кто? – спросил он.

– Бешеный Соня, – отозвался Акимэль. – Он нас спас. Эй, друг, мы тут!

Здоровяк завертел головой, заулыбался и направился в сторону выворотня. Только сейчас Егор смог его хорошо рассмотреть – очень светлые волосы, зеленые глаза, нос картошкой и добродушное лицо; одет в кожаную куртку с нашитыми кое-где копытами, ну и дубина – всем дубинам дубина.

Такой не устыдился бы и сам Геракл.

– Вот вы где, – радостно сказал Бешеный Соня. – Вовремя я. Как выскочу! Отведали они моих ударов! Парочка все, того! Остальные не сразу в погоню пустятся!

И он засмеялся счастливым детским смехом.

– А вообще откуда ты взялся? Зачем вмешался? – принялся спрашивать эльф.

Сверху, меж ветвей, кружил Аладдин, и физиономия у него была на диво довольная – ни дать ни взять заботливая матушка, удачно сосватавшая засидевшуюся в девках дочь.

– Да как же! – Бешеный Соня искренне удивился. – Вчера я все слышал! И понял, что хочу к герою в сподвижники! – он посмотрел на Егора с искренним обожанием, и тот почувствовал себя немного неловко. – Ведь нужны? Верные руки и сильные сердца? Или наоборот?

– Скажи ему чего-нибудь, – ласково посоветовал Аладдин. – Это твой первый сподвижник. Смотри, какие мышцы! Как он сражался! Ух, этот парень нам точно пригодится! Хотя бы для того, чтобы красиво пасть в последней схватке у стен логовища Зла.

– Ну... хм... э, я рад, что ты пойдешь со мной, – сказал Егор.

– И я рад, – на физиономии великана появилась улыбка.

– Ладно вам, радоваться потом будем, – вмешался Акимэль. – Сейчас надо уйти подальше да замести следы. Что-то подсказывает мне, что выжившие парни с переломанными ребрами и разбитыми башками отправятся за нами в погоню. Так что ноги в руки и вперед.

И эльф повел их в чащобу, куда-то на северо-запад, прочь от стоящей на перекрестке корчмы.

Примерно через километр ноги Егора вспомнили, что им так и не дали отдохнуть после вчерашнего перехода. Вскоре напомнили о себе мозоли, и возникло сильное желание попросить о привале. Но он посмотрел на прямую спину Акимэля, обернулся, чтобы глянуть в лицо легко шагавшему Бешеному Соне, и решил, что проявлять слабость герою не к лицу.

Эльф гнал их безжалостно, заставлял выписывать петли, тащиться вверх по ручью, вода в котором была невыносимо холодной. Несколько раз замирал, прислушивался, затем удовлетворенно кивал, и они шагали дальше, забираясь все глубже и глубже в чащу.

Егор шел на автопилоте, не чувствуя ног и не глядя по сторонам, брюхо подводило от голода, а в голове мелькали воспоминания о том мире, что еще недавно казался единственно существующим: Санек... одноклассники... пары, курсовые и зачеты... работа и Петрович...

И как ни странно, все это сегодня выглядело много более привлекательным, чем вчера.

– Пожалуй, достаточно, – сказал Акимэль и остановился так резко, что Егор едва не налетел на него.

Переведя дыхание, он огляделся: они стояли на пригорке, а во все стороны, сколько хватало взгляда, простирался березняк – белые стволы с черными черточками, мягкая зелень листвы.

– Что значит – достаточно? – спросил Бешеный Соня.

– А то, что я пойду своим путем, обычным, какой подскажет мне Ночная Страница, а вы своим, геройским, прямиком в легенду, – объяснил эльф. – Приятно было познакомиться, но продолжать знакомство я не намерен.

– А, вот как... – протянул Егор, ощущая разочарование: до последнего верил, что чернокудрый эльф, показавший себя хорошим, честным человеком и отважным бойцом, останется с ним. – Можно тебя на пару слов?

– Конечно.

Они отошли чуток в сторонку, и Егор спросил, понизив голос:

– А что это за парень? И почему его называют Бешеным Сонею?

Аладдин, считавший, видимо, что подслушивать – одна из прямых обязанностей советчика, и поэтому зависший над самой макушкой Акимэля, нахмурился и покачал головой:

– Ты что, сомневаешься в сподвижнике? Стыдись!

– Зовут его на самом деле Махот, – сказал эльф. – Он... ну, немного странный.

– Тоже по голове получил? – уточнил Егор, вспомнив вчерашнего слепца с тяжелым посохом.

– Нет, этот всегда был такой. Сколько я его знаю – мотается по всему среднему северу, от реки Риаро до Большого озера. Работал охранником караванов, святым бойцом храма Сверкающего в Секлии. Почему Бешеный – ты сам видел, отчего Соня – скоро узнаешь. – Акимэль подмигнул Егору и похлопал его по плечу. – Удачи тебе, герой, если сработает красиво, то я сложу о тебе песню.

Он махнул Махоту, двинулся на запад и вскоре исчез меж березовых стволов.

– Эй, ты чего там? – спросил Бешеный Соня.

– Сейчас, – ответил Егор, отыскав взглядом Аладдина. – Мне нужно посоветоваться кое с кем, э... воззвать к светлым силам, чтобы они послали мой ум куда полагается... – Дальше он продолжил требовательным шепотом: – Ну, и куда нам идти дальше? Где это твой Некрополь?

– Не так быстро, ради всех богов Вселенной! – Советчик положил ногу на ногу, словно уселся на невидимое кресло, и принялся загибать пальцы: – Во-первых, это не так близко, и добраться туда без снаряжения и припасов невозможно. Во-вторых, ближайшее место, где можно прикупить все потребное и увеличить количество сподвижников – Ставир, вольный город у истоков реки Ферг. В-третьих, он лежит на востоке, и поэтому предлагаю двинуться туда...

– Что ты все о сподвижниках? – перебил Егор. – Так уж они мне нужны?

– Конечно, а как же! – Аладдин вытаращил глаза. – Кто будет славно погибать в битвах с прислужниками Тьмы? Кого ты будешь оплакивать, и за кого ты будешь мстить главному злодею? Без сподвижников обходятся только лохи, а настоящие герои всегда идут с толпой. Сечешь?

– И еще в обход... – буркнул Егор, вспомнив песенку из старого фильма.

Он посмотрел в ту сторону, где топтался Махот Бешеный Соня, вспомнил, как рухнул частокол, как под ударами огромной дубины летели в стороны слуги Пожирателя, и подумал, что путешествовать с этим парнем будет по крайней мере безопаснее, да и веселее.

СУКА с крыльями, любящий нравоучения и ехидные высказывания, для нормального общения не годился.

– Эй, Махот! – позвал Егор. – Дорогу в Ставир знаешь?

– Ага! – радостно отозвался великан.

– Тогда веди. Надо бы туда попасть.

– Завтра к вечеру придем, – пообещал Бешеный Соня, и они зашагали через лес.

Примерно спустя час стало ясно, что Махот в принципе не любитель поболтать, но сегодня он решил пойти наперекор привычкам, поскольку сбылась его давняя мечта – поучаствовать в настоящем геройском приключении. Из рассказа выяснилось, что он с детства знал о своем предназначении и всегда готовился – много дрался, защищал обиженных, за что частенько получал по шее, а при первой возможности удрал из дома, дабы пуститься в странствия.

Разговаривал Бешеный Соня короткими фразами, очень эмоционально, но не всегда внятно, и понять его иногда было трудно, особенно когда он описывал собственные победы.

Выглядело это примерно так:

– Я как выскочу... Его трах... который первый... или второй... или наоборот! Потом на ступеньки, шарах! И только упал! Он, а не я! Хе-хе... Только и осталось. Пятеро на башне...

К полудню даже Аладдин признал, что сподвижник им попался не без недостатков.

– Интересно, этот вербальный мордобой когда-нибудь закончится? – спросил он мрачно. – Мне уже самому хочется сделать этому парню «шарах» вместе с «трахом» и «бум-бумом», лишь бы он замолк.

Где-то в полдень, когда желудок у Егора совершенно скукожился, остановились, чтобы немного передохнуть и перекусить. Махот распотрошил собственный мешок, в котором обнаружили фляга с пивом, кольцо колбасы и краюха хлеба. Заметив, что у спутника при себе нет вообще ничего съестного, он сокрушенно покачал головой:

– Как так вышло?

– А вот, – Егор неопределенно развел руками. – Происки темных сил.

– А, ладно, – ответ Бешеного Соню полностью удовлетворил. – Угощайся. Мне не жалко.

Они поели, а остатки припасов Махот убрал в мешок, после чего заявил, что надо бы часок подремать. Егор, глаза которого тоже слипались, спорить не стал, и Бешеный Соня улегся прямо на траве. Через миг лес огласил раскатистый, мощный, иногда переходящий в инфразвук, настоящий богатырский храп.

Деревья от него, конечно, не качались, и земля не тряслась, но вот листья с веток облетали точно.

– Ничего себе! Прямо Годзилла какой-то! – прокомментировал Аладдин. – Давай, буди его! Если за нами кто гонится, они за две версты услышат! Портки, конечно, намочат, но мимо не пройдут.

И вот тут стало ясно, почему Махота прозвали Соней.

На толчки в плечо и покрикивания в ухо он не отреагировал никак, на подергивания за уши начал отмахиваться и едва не отправил Егора в нокаут. Засунутая в нос травинка породила могучий чих, но даже после этого великан и не подумал проснуться, только перевернулся на другой бок.

– Первый сподвижник, первый сподвижник, – произнес Егор, сердито глядя на Аладдина.

– Ну, кто же мог знать... – принялся оправдываться тот. – Я его досье не читал и все такое, оценил только по тому, как он дерется. А от этой дубины даже дракону несладко придется, честное благородное слово.

Разбудить Бешеного Соню Егор так и не смог, не помогла даже вода из ближайшего болотца. Пришлось ждать, когда он очнется сам, и произошло это, если мерить земными категориями, как раз примерно через час. Храп прервался, последовал мощный зевок, и Махот приподнялся, с хрустом потягиваясь.

– Все в порядке? – спросил он, глядя на Егора.

– Прикинь, в полном, – отозвался тот. – Ну что, пошли?

Вскоре выяснилось, что из дневного сна вышла немалая польза – Бешеный Соня стал на диво молчалив. Хотя все дело могло быть в том, что он исчерпал запас имеющихся в голове словесных комбинаций.

Они миновали небольшое озерцо, круглое, с кувшинками у берегов, и тут Махот неожиданно встал.

– Что такое? – спросил Егор.

– Тихо, – шепотом отозвался великан. – Там дорога. И кто-то есть. Я слышу. Жди здесь, проверю.

Он опустился на пузо и с неожиданной ловкостью пополз вперед, оставив дубину на месте. Качнулись папоротники, и Бешеный Соня исчез из виду, словно вовсе растворился в воздухе.

Вернулся он быстро и сообщил:

– Слуги Пожирателя. Двое. Попробуем обойти южнее.

– Вот гады прилипчивые! – занервничал Аладдин. – Чего они к тебе прицепились? Придурки необразованные! Не знают, что ли, что герой не только непобедим, но и неуловим?

Егору очень хотелось вспомнить анекдот про Неуловимого Джо, но он сдержался, понимая, что вряд ли Махот адекватно воспримет то, что его спутник начнет беседовать с пустым местом.

Попытка обхода не увенчалась успехом – вскоре они наткнулись на еще один патруль, затем на третий, от которого пришлось укрываться в заросшем овраге, и стало понятно, что по лесу движется масштабная облава, а уцелевшие во время боя у корчмы ребятишки взялись за дело всерьез и с размахом.

– Как они так быстро набежали? – спросил Егор, когда двое верховых с готовыми к стрельбе луками скрылись из виду. – Или тут тоже есть сотовые телефоны и конференц-связь?

– Магия, – сказал Бешеный Соня. – Связались через храм. Слетелись, как вороны.

– И что нам делать? Попытаемся прорваться? – Егор ощутил неожиданный прилив воинственности и совершенно забыл в этот момент, что вооружен только коротким ножом, да и тем умеет пользоваться примерно так же, как новорожденный – ногами.

– Да! – обрадованно воскликнул Махот, больше всего на свете любивший, похоже, крепкий сон и хорошую драку.

– Не глупи! – поспешно вмешался Аладдин. – Они не станут вступать с вами в бой, расстреляют издали стрелами. И ты, и твой не слишком интеллектуальный сподвижник станете напоминать ежей, только колючками внутрь. Может быть, вам попытаться пройти через Мерцающие топи?

– Мерцающие топи? – повторил Егор.

Название казалось жутким и одновременно красивым.

– Вот как? – встрепенулся Бешеный Соня. – Топкие твари и опасные места! Или наоборот! Хотя можно. Никто не решит. Если мы пойдем туда. Конечно, нужно сделать это! Пошли!

И они повернули на север, в ту сторону, где пока не было никаких патрулей.

– Что это за топи такие? – вполголоса спросил Егор, глядя на Аладдина.

– Ну... очень давно, то ли в Первую, то ли во Вторую с Четвертью Эпоху тут случилось большое сражение, – начал советчик тоном сказителя, вознамерившегося затянуть балладу часа на четыре. – Участие принимали эльфы, хилдары, а также представители двух или трех вымерших ныне рас.

Про хилдаров Егор знал из сна-ликбеза – эти красноглазые, покрытые черной чешуей существа обитали большей частью под землей, хотя время от времени некоторые их роды селились на поверхности; знамениты они были странной, неподвластной другим магией, циклопическими постройками, что не разрушались со временем, а также умением работать с камнем.

– Так вот, случилось большое мочиловое, – продолжал советчик. – Все умерли, а вдобавок еще примененные во время боя заклинания сцепились друг с другом и не пожелали рассеиваться. Погрузились в землю и образовали протяженное, очень странное и опасное болото с жуткими чудесами и мерзкими монстрами. Подробности рассказывать не буду, сам увидишь.

Егор поежился, думая, что на чудеса он согласен, а вот встречаться с монстрами совсем не хочет.

На то, чтобы добраться до границы Мерцающих топей, им понадобился весь день без остатка. Солнце успело свалиться за частокол деревьев на западе, и тут лес впереди разбежался, открылась уходящая к горизонту равнина, усеянная кое-где островками кустарника, и горы на горизонте.

И тут Егор понял, почему болоту дали такое имя.

Выглядело оно вполне обыденно – кочки, заросшие травой, промоины с черной жижей, лягушачье кваканье, вонь застоявшейся воды. Но при этом всюду были разбросаны мигающие, слабые огоньки, похожие на головки одуванчиков, – они плавали в воздухе, лежали на земле и создавали впечатление, что трясина усеяна рухнувшими с неба умирающими звездочками.

– Ну, ваще! – сказал Егор. – Красиво.

– Ага, точно, – Бешеный Соня скинул с плеча мешок. – Давай есть, потом спать. Ночью идти туда опасно. Я буду сторожить. Может кто-нибудь съесть и нас вылезти. Или наоборот.

Трапеза не заняла много времени, и Егор, набив брюхо хлебом и колбасой, принялся выбирать место для ночлега. Махот одолжил ему одеяло, грязное, вонючее и с одного краю подпаленное, но вот с подушкой, матрасом и прочими атрибутами цивилизованного сна возникли проблемы.

Едва улегся, как вокруг зажужжало, и из вечернего сумрака явились комары – мелкие, шустрые и очень голодные. Егор попытался укрыться под одеялом с головой, но едва не задохнулся и вынужден был отказаться от этой идеи. Измучился, отмахиваясь от кровососов и пытаясь устроиться так, чтобы неровности земной поверхности перестали упираться в бока и спину.

Уснул только глубокой ночью, когда над миром взошла громадная серебристая луна.

Пробуждение вышло странным, и Егор не сразу даже сообразил, отчего проснулся.

Только потом осознал, что комаров нет, хотя искусанная физиономия зверски чешется, что несмелые птички трели переплетаются с раскатистым храпом Бешеного Сони, над лесом властвует призрачный серый рассвет, а еще – зверский, совершенно не летний холод.

– Ох, м-мама, – проговорил Егор, пытаясь поплотнее завернуться в одеяло и поднимая голову.

Самоназначенный сторож дрых сидя, прислонившись спиной к раскоряченной сосне, и та подрагивала, роняя иголки тому на голову. Аладдин почивал прямо в воздухе, упакованный в оранжево-лиловый спальный мешок, такой яркий, что при взгляде на него начинали болеть глаза.

А еще возникала черная, совершенно не геройская зависть.

– Вот гад, – сказал Егор, понимая, что одеяло от холода не спасает. – Сам-то устроился неплохо. И этот тоже... – он перевел взгляд на Махота, которому утренний морозец был нипочем. – Счастье, что нас никто не нашел...

Возникла мысль набрать веток и развести костер, но Егор с некоторым стыдом вынужден был признать, что не умеет этого делать, по крайней мере без спичек и канистры бензина под рукой.

Пришлось трястись, лязгать зубами и вспоминать теплый, даже жаркий день.

Бешеный Соня открыл глаза точно в тот момент, когда солнце выглянуло из-за горизонта.

– Не спишь? – спросил он. – Хорошо! Еды больше нет, пойдем сразу.

– Зато ты заснул на посту! – с раздражением заявил Егор. – А если бы какое чудовище вылезло из болота?

– Так ведь не вылезло?

Возразить на это было нечего, и Егор только скривился. Проснувшийся Аладдин взмахнул рукой, спальный мешок исчез, и выяснилось, что советчик наряжен в шаровары цвета свежей листвы и черную жилетку, украшенную золотыми полумесяцами.

Похоже, у этого ареального типа имелся под рукой склад шмотья.

– Пойдем сразу, – ворчал Егор, подпрыгивая, чтобы согреться. – Комары, холод, этот дрыхнет... никаких теплых восхищенных девиц и прочих условий для геройской деятельности. Дорогу через болото ты хоть знаешь?

– Нет, – Махот улыбнулся. – Ты ведешь, ты главный.

– И что бы ты без меня делал, – вмешался в разговор Аладдин. – Тропу я покажу, ну а уж с тем, что вам на ней встретится, будете сами справляться. Так, вам понадобится пара шестов...

Над трясиной колыхался негустой туман, и в нем скользили те же самые мерцающие огоньки. Казалось, что десятки холодных, враждебных глаз смотрят на собравшихся пересечь Мерцающие топи людей.

– Шестом тыкай в воду перед собой, проверяй глубину, – начал поучать советчик, когда Бешеный Соня вырубил две палки, каждая длиной примерно три метра. – И не торопись. Тропа узкая, шагнешь чуть в сторону, и провалишься с головой, так что о тебе и жаба не квакнет.

Егор вступил на спружинившую под его весом кочку, погрузил шест в темную мутную воду. Дно нащупал почти тут же и, нервно сглотнув, ступил в болото. Под ногой чавкнуло, погрузился примерно по колено, жижа хлынула за голенища, испачкала штаны. В стороны полетели брызги.

Махот, весивший куда больше, провалился глубже, но и ноги у него были гораздо длиннее.

– Никто не догадается. Что мы сюда пошли, – заявил он с довольным видом. – Отлично!

По мнению Егора, ничего отличного в том, что им предстоит пересечь трясины, не было, но это мнение он предпочел оставить при себе. Следуя визгливым указаниям Аладдина, двинулся в сторону расположенного в сотне метров от берега островка, где ухитрилось вырасти одинокое дерево.

Над болотом висело марево резких травяных запахов, летали слепни и стрекозы. Лягушки, громадные и зеленые, покрытые бородавками с горошину, сигналы в стороны, едва заметив людей.

Огоньки, давшие топам имя, близко к себе не подпускали, одни гасли, словно растворялись, другие погружались в воду, третьи прятались в зарослях, так что рассмотреть их хорошенько не удавалось.

Они прошли островок, Аладдин указал следующий ориентир, потом еще один, и когда Егор оглянулся, выяснилось, что край трясины исчез из виду. Мир сжался до заключенного в объятия тумана пятка, покрытого кочками, простынями бурого и фиолетового мха, торчащими из воды голыми осклизлыми ветвями, похожими на вымазанные в дегте кости.

Когда болото чуть в стороне от их траектории забурлило и прикатилась волна смрада, Егор удивленно замер.

– Вот и хозяйева! – объявил Бешеный Соня, и из топи высунулась клыкастая башка, немного похожая на крокодилю, но обвешанная спазматически дергающимися белесыми щупальцами.

Тварь зашипела и заскользила к людям, по чешуйчатой спине заплескали волны. Егор выставил шест, подумал, что не отказался бы сейчас не то что от геройского, а от самого обычного оружия.

– Дай я! – возопил Махот, и дубина его, описав красивую дугу, врезала «крокодилу» прямо по кумполу.

Череп хищного монстра хрустнул, точно яйцо. Ударил длинный хвост, похожий на рыбий, и тварь замерла. Поплыли в стороны кровавые струи, и вокруг трупа началось движение. Какие-то существа, невидимые под поверхностью воды, но очень шустрые, принялись рвать убитое чудище на куски.

– Проглот гребнепузый, – менторским тоном сообщил Аладдин. – Хищник, обитает исключительно в Мерцающих топах. Те, кто едят его – стайные крысоокуни, слепы, но прекрасно чувствуют кровь. Так что не советую получать здесь ранения или даже маленькие порезы.

Крысоокуни в экстазе обжорства начали выпрыгивать из воды, и Егор смог разглядеть их – плоское тело с ладонь, половину которого занимает пасть, никаких глаз, зато есть крохотные ручонки, похожие на человеческие. От проглота, весившего не один центнер, в считанные мгновения остался лишь скелет, неспешно погружившийся в болотную муть.

Егор судорожно сглотнул, только в этот момент осознал, что его могли банальным образом сожрать, и тогда он бы не то что не выполнил свое геройское предназначение, а еще бы и домой не вернулся...

От нахлынувшего ужаса стало холодно, хотя солнце поднялось довольно высоко и пригревало неплохо.

– Чего? Пошли дальше. – Бешеный Соня, судя по голосу, был вполне доволен собой и жизнью.

– Ага... – Егор вновь сглотнул. – Пошли.

Мысль о том, что стайные крысоокуни плывут где-то рядом и готовы вцепиться ему в ногу, отогнать удалось далеко не сразу. Несколько раз он едва не испустил позорный вопль, когда показалось, что лодыжки касается нечто холодное и острое.

Но едва справился с этим страхом, как пришлось столкнуться с другим, более реальным.

Тропа сделала несколько петель и уперлась в заросли мясистых, неприятно-розовых цветов, похожих на росянку, но размером с тележное колесо. Егор уловил сладкий, напоминающий о гниющей плоти запах, и голова его закружилась, перед глазами замелькали цветные огоньки.

– Иллюзорник хищный, – сказал Аладдин, поднявшийся несколько выше. – Одурманивает свои жертвы, те теряют сознание и захлебываются, после чего эти цветочки кушают останки.

– И что делать? Обходить? – спросил Егор, надеясь, что это сойдет за размышления вслух.

– Не получится, утопнете. Придется шагать напролом. Ты, как уроженец другого мира, не так сильно подвержен влиянию этой штуки. Кроме того, намочите тряпки и замотайте рты. Глюки будут все равно, но хотя бы ослабленные. Главное, что бы вы ни увидели и ни услышали, помните, что оставаться на месте нельзя, надо двигаться.

Лоскуты пришлось отрывать от запасной рубахи Бешеного Сони, изрядно похожей на половую тряпку. Когда повязка, смоченная в «ароматной» болотной воде, легла Егору на лицо, он подумал, что задохнется.

Но через несколько минут вонь перестала ощущаться, а сладкий дурмящий запах исчез совсем.

– Ну што, пошли? – гнусаво спросил Махот, размахивая дубиной.

– Да, – отозвался Егор и двинулся прямо на заросли иллюзорника.

Первый цветок захрустел под ногой, заколыхались на воде лепестки, похожие на куски мяса. Пьянящий аромат возник вновь, и на Егора обрушился настоящий водопад видений – топь расцвела лесом статуй, прекрасных и ужасных, изображающих людей и нелюдей с оружием, в доспехах; затем изваяния превратились в трупы, и те с воинственными криками ринулись на двоих путников.

За спиной сдавленно охнул Бешеный Соня.

«Если на меня эта дрянь действует слабо, да еще через тряпку, – подумал Егор, – то что видит он?»

Ближайший мертвец, наполовину сгнивший, но в золоченом шлеме и с гривой зеленоватых волос, занес для удара ржавый меч. Большого труда стоило удержаться и не дернуться в сторону, но лезвие прошло через Егора, не причинив вреда, и иллюзия начала таять.

Ей на смену явилась другая – из болота поднялся огромный город, белоснежные здания с колоннами, разноязыкая толпа, лавки, забитые всевозможным товаром, зазывалы и уличные воришки...

– Надо идти! – прокричал Егор, делая шаг и не забывая тыкать перед собой шестом.

Он прошел прямо сквозь стену, и видение растаяло, сменившись простором Мерцающих топей. Со всех сторон полезли жуткие твари, напоминавшие выучившихся ходить на задних лапах жаб размером с человека. Замахали дубинами, пусть и не столь большими, как у Махота, но зато утыканными треугольными блестящими зубами.

Новое видение, потом еще и еще – звуки, яркие образы, самые разные, вот только тошнотворный запах никуда не исчезал, напоминал о том, что это все ухищрения добывающего себе пищу цветка.

Когда все закончилось, Егор обнаружил, что прошел заросли иллюзорника насквозь. Взопрел так, что одежда прилипла к телу, сердце колотилось и дышал тяжело, как после хорошей пробежки.

Оглянулся, чтобы проверить, как дела у Бешеного Сони.

Покрасневшие, лишенные даже намека на мысль глаза того были выпучены, на лбу блестели крупные, точно жемчужины, капли пота, но рука, сжимавшая исполинскую дубину, не дрожала.

– Что? Все? – невнятно произнес Махот через повязку, и взгляд его стал осмысленным.

– Все, можно снимать эту дрянь.

Заросли хищных цветов лежали позади, и в них виднелась настоящая просека, заполненная темной водой с плавающими в ней лепестками. Выглядело это так, словно прошли не два человека, а по меньшей мере стадо безумных, страдающих плоскостопием слонов.

Егор сорвал с лица грязную, пропитавшуюся потом и запахом дурмана тряпку, отбросил ее в сторону. Густой болотный воздух показался ему в этот момент слаще аромата горного луга.

– Ну ничего, молодцы, – впервые за два дня Аладдин произнес нечто одобрительное. – Теперь надо еще сделать, чтобы вон тот брызгун не сожрал вас, и все будет совсем хорошо...

Брызгун оказался существом, похожим на осьминога, но снабженным парой рачьих клешней длиной в метр. От удара дубиной он ловко ушел, а попытавшись схватить Егора за ногу, странным образом промахнулся. В больших и круглых, необычайно умных глазах мелькнуло нечто похожее на удивление, и монстр стремительно рванул в сторону, скрылся в глубине.

– Понял, с кем дело имеет, – со значением сказал Бешеный Соня. – Как выскочит, но умный, урод! Героя всяк видит! Издалека!

И они потопали дальше через казавшееся бесконечным болото.

Спустя полсотни метров пришлось отбиваться от очередной твари, на этот раз от называемого «тармашем» ядовитого зеленого медведя, но тут дубинка Махота вновь показала себя с лучшей стороны.

А затем они вышли к Деревьям.

Когда из тумана выступили очертания неимоверно толстых стволов, Егор решил, что их навестил очередной глюк. Он даже потянул носом, надеясь уловить запах иллюзорника. Но сладкого аромата не ощутил, а два одинаковых, похожих на дубы дерева, каждое метров в двести высотой, никуда не исчезли и после того, как уроженец Саранска поморгал и потряс головой.

– Говорят, что тут пали вожди сошедшихся в битве армий, – в голосе Аладдина прозвучало благоговение. – И на месте их гибели выросло вот это. Верится с трудом, но выглядит значительно.

– Ну, ваще... – только и смог сказать Егор.

Деревья напоминали башни, окутанные облаками зеленой листвы, и на их ветвях мерцали сотни, даже тысячи огоньков. Вокруг каждого ствола кольцом росли пурпурно-алые мелкие цветы, и казалось, что пролитая тысячелетия назад кровь до сих пор покрывает тряпину.

Они прошли прямо между стволами, точно вступили в громадные ворота.

Миновали широкую полосу, где из-под воды поднимались пузыри, а запах напоминал об общественном сортире, который не чистили со дня открытия. Оставили позади островок,

заросший кустарником и населенный крикливыми птицами, похожими на извивавшихся в тине чаек.

У Егора от голода сосало в желудке, ноги от ходьбы по воде замерзли так, что их начало сводить. Больше всего на свете хотелось отшвырнуть дурацкий шест и заявить, что хочет вернуться домой, в Москву, к обычной жизни.

Почему он этого не делал – и сам не мог сказать, то ли надеялся, что дальше будет лучше, то ли просто из упрямства...

Показался и исчез из виду поросший иллюзорниками участок, и тут впереди, из тумана, который неспособны были уничтожить даже лучи высоко стоявшего солнца, донесся совершенно невероятный звук.

Кто-то пел, немелодично и визгливо, но громко и с энтузиазмом.

– Это еще что? – Егор оглянулся на Аладдина, затем перевел взгляд на шагнувшего позади Махота.

– Вот уж не знаю, – советчик пожал плечами.

– Чудовища петь не умеют. – Бешеный Соня ободряюще помахал дубиной. – Пойдем посмотрим!

Им потребовалось около полусотни шагов, чтобы увидеть поющего: человек стоял на четвереньках, погрузившись в жижу по локти и середину бедер, и рассматривал сидящую на кочке лягушку, а та и не думала убежать.

– Ошизеть... – только и сказал Егор.

Гномов можно встретить в любом крупном городе Нифигляндии, чуть ли не в каждом государстве. Но их собственные поселения располагаются, естественно, в горах, и носят названия «оплотов».

Северный оплот, на территории которого спрятаны наиболее глубокие шахты и где обитают сильнейшие маги бородатого народа, находится в Зубастых горах, неподалеку от вольного города Ставир. Восточный, считающийся древнейшим поселением dwarфов, занимает центр Розовых гор, что зажаты меж Круглым морем и Краевым океаном, а Южный укрыт в Серых горах, где золота, как известно, нет.

Зато тут прекрасно себя чувствуют главные конторы крупнейших гномьих банков.

Старейший из них, «Шахтс унд Голден», возник более трех тысяч лет назад и благополучно пережил все случившиеся за это время катаклизмы, включая два десятка Темных Властелинов и пару драконьих нашествий.

Контора этого банка в соответствии с традицией выглядела крайне непрезентабельно: несколько темных, узких пещер, спрятанных так глубоко в недрах, что крот измучился бы рыть сюда нору.

Никакой роскоши, ни единого украшения, подчеркнутая бедность.

В одной пещере общались с допущенными в эту святая святых клиентами, в другой восседал Старейшина Золота, формальный глава банка, а в третьей собирались настоящие его управители – аналитики.

Почтенные, седобородые, в поношенных кожаных кафтанах, они приходили на работу не ранее полудня и начинали ее, знакомясь с новостями. Обычно этот процесс проходил скучно, под зевки, покашливания и вежливые разговоры о бессоннице и правнуках, но сегодня все было не так.

Виной тому стал лист ярко-голубого пергамента, что лежал на самом верху кипы сообщений, доставленных со всех концов мира обычной, голубиной, магической почтой, а также Гномьим Эхом.

Заметив его, Зингельшухер, старший из аналитиков, нервно закрихтел и дернул себя за бороду:

– Неужели послание из Небесной Пирамиды?

– Оно самое, – второй аналитик, откликнувшийся на имя Миттельнахер, подслеповато сощурился, хотя всем было известно, что видит он до сих пор как молодой. – Или наш тамошний информатор решил, что пора отработать хотя бы часть потраченных на него средств?

– Или маги Ста Башен узнали нечто важное. Маловероятно, но этого мы тоже не можем исключить... – предположил третий, за любимый головной убор прозванный Сальным Колпаком.

Прозвище так крепко пристало к этому гному, что он сам подзабыл свое имя.

– Давай посмотрим. – Зингельшухер взял лист цвета летнего неба и принялся разбирать ярко-зеленые, вычурные буквы. – О, клянусь Топкой Прародителя, в наш мир явился герой!

– От ничего себе... – заметил Миттельнахер, а Сальный Колпак изрыгнул грязное ругательство, которое по статусу и возрасту ему было положено забыть вместе с именем.

– Изошел в наш мир неподалеку от Зубастых гор... Вероятность сокрушения Трех Пальцев – около девяноста процентов... полоса разрушений... сила воздействия – пятый класс, – продолжал Зингельшухер знакомиться с донесением. – Да, неслабо. Прочь эмоции, коллеги, мы финансисты, а не бродячие певцы. Нам надлежит оценить сие событие с точки зрения поведения рынков и выдать четкие рекомендации отделениям, а также клиентам.

– Выдадим, не бойсь. – Сальный Колпак выложил на стол трехъярусные гномьи счета, подвинул к себе чернильницу, связку перьев и пачку чистых листов пергамента. – Только придется слегка попыхтеть.

– Еще как, – Миттельнахер поднялся и отправился к вырубленному в стене шкафу.

Вернувшись к столу, он приволок переплетенный в кожу дракона гроссбух размером со щит пехотинца, а также несколько тубусов со свитками. Зашуршали страницы, клацнула откинута крышка чернильницы, закрипели перья, и трое бородатых аналитиков погрузились в работу.

Время от времени они обменивались непонятными простым смертным терминами вроде «эластичность спроса», «область корреляции», «финансовые потоки» и «резервная ставка».

Прочим сообщениям из не такой уж и маленькой кипы внимания не досталось вовсе.

– Ну вот, хорошо, клянусь Топкой Прародителя, – сказал Зингельшухер примерно через час. – Подведем итоги. Итак, какие тенденции ждут экономику Нифигляндии в ближайшие полгода?

Сальный Колпак откашлялся и принялся читать:

– Секлийский золотой потеряет в стоимости одну треть, фаридийский штанг подешевеет на десять процентов, вдвое вырастут акции оружейных мастерских Зубастых гор, примерно на четверть упадут облигации Золотого пояса и КЮК, прогнозируется банкротство примерно тридцати – тридцати пяти предприятий, работающих на Серый замок...

Перечисление заняло немало времени, а когда оно закончилось, Миттельнахер подвел итог:

– Иными словами, коллеги, нас ждет масштабный экономический кризис.

– Ох уж эти герои, – проворчал Зингельшухер. – По мне, так от них вреда больше, чем от черных магов!

Глава 4

Незапланированные встречи

Услышав голос, человек прекратил петь и вскочил на ноги, и тут обнаружилось, что это вовсе не человек. Вряд ли хоть один представитель людской расы может похвастаться безволосой головой, узкими желтыми глазами и серой, будто песок, покрытой чешуйками кожей.

Одет нелюдь был в достойные запорожца шаровары и безрукавку, за спиной его висел мешок, и при этом не наблюдалось никаких признаков оружия.

– Рахива... – произнес Бешеный Соня с удивлением.

Это слово Егор слышал в сне-ликбезе, и обозначало оно... да, точно, немногочисленную и довольно дикую расу, населявшую болотистые, сырые джунгли южного континента, именуемого Афераи.

– Вот так неожиданность, – произнес рахива металлическим, щелкающим, словно неживым голосом. – А Мерцающие топи, оказывается, людное место. Ну и что будете делать, парни? Предупреждаю, я маг и на агрессию отвечу заклинанием. Вот так!

Он махнул рукой, и с длинных пальцев сорвался клуб оранжевого пламени. Промчался над болотом и с шипением врезался в торчащее из трясины гнилое дерево. То вспыхнуло, как стог сена, вверх полетели искры, в воду принялись падать обгоревшие веточки.

Лягушка, так и не подумавшая дать деру, одобрительно сказала: «Ква-а!»

– Маг? – тупо переспросил Егор. – А что магу здесь делать?

– Это же очевидно! – брошенный рахива взгляд оказался на диво знакомым: так смотрит профессор на туповатого студента. – Сущность магии есть познание, и тут, в уникальной экосистеме, чьи свойства не изложены ни в одном монстрификариуме, я изучаю функционирование эндемичных магиезависимых организмов!

Лягушка решила, что заумные речи – это чересчур, и с очередным «ква» шлепнулась в болото.

– Ух ты, а мы герои! Он – герой! – похвастался Бешеный Соня. – Идем спасать зло! От мира! Или наоборот.

– Вот кичливый идиот, – простонал Аладдин, хватаясь за голову, и принялся выделывать одну «бочку» за другой. – Первому встречному... все выложил... Этот чешуйчатый вполне может быть приспешником Темного Властелина!

– Да? Вот так удача. Тогда вам нечего меня опасаться, а мне – вас, – и рахива зашлепал прямо к ним, уверенно и спокойно, точно под ногами у него была не трясина, а асфальтовая мостовая. – Герой... это исключительно интересно. Всегда мечтал посмотреть хоть на одного.

Вблизи его отличие от человека стало еще более очевидным – по четыре пальца на руках, острые когти, нос есть, но выдается едва-едва, и пристальный, совершенно змеиный взгляд.

Егор под ним почувствовал себя довольно неудобно.

Рахива обошел его со всех сторон, покачивая головой и негромко посапывая, и только затем представился:

– Имя мое Ганди-Ла, и я пять лет провел на обучении в Небесной Пирамиде.

– Пять лет? Недоучка! – взвыл Аладдин. – Гоните его прочь или сами убирайтесь побыстрее!

Егор назвал, подождал, когда то же самое сделает Махот, и поинтересовался:

– Пять лет? Не мало?

Глаза рахива сверкнули, он гордо выпрямился:

– Замшелые пердуны, только и думающие о том, как подсидеть друг друга, не в силах оказались понять мой истинно новационный подход к магии! Зависть и неприязнь, а также торжествующие в стенах Небесной Пирамиды предрассудки вынудили меня оставить ее и пуститься в самостоятельное странствие по волнам познания!

Эта «ария непризнанного гения» красноречиво говорила о том, что и тут, в волшебной Нифигляндии, все как у людей, как на той же Земле, да и где-нибудь на планете, что вертится вокруг Веги – тоже.

Выдохся Ганди-Ла спустя примерно минут пять, неожиданно скинул с плеч мешок и вполне буднично спросил:

– Есть хотите?

– Да! – воскликнул Егор, решив, что этот чешуйчатый парень не может быть приспешником Темного Властелина.

Тот попытался бы их убить, или по крайней мере втереться в доверие, а не начал бы рассказывать о том, как ему мешали собратья-маги. И уж точно он не стал бы делиться съестным, ведь в свиту к черным магам ни за что не возьмут человека... или не человека, лишеного жадности.

– Не ешьте, отравлено! – попытался вмешаться Аладдин, но Егор слушать советчика не стал.

Из мешка Ганди-Ла вытащил пучок черемши, несколько бурых клубней, похожих на волосатые картофелины, дюжину черных лепешек и здоровенный кусок слегка подкопченного мяса.

– Это местный лук, – объяснил рахива, разрезая «картофелину» пополам. – Сладкий, аж жуть. Лепешки из истолченного корня иллюзорника, не бойтесь, дурманных свойств в нем нет, а мясо брызгуна. Его и сырым можно есть, только не очень вкусно, да и жестковато.

Егор истинно героическим напряжением воли преодолел рвотный позыв и вгрызся в болотную «луковицу». Она на вкус оказалась похожа на яблоко, а брызгун напомнил обыкновенного кальмара из салата, разве что без майонеза.

Бешеный Соня чавкал почти так же громко, как и храпел, советчик взирал на эту трапезу с неодобрением, словно ангел, которому довелось стать свидетелем монашеской попойки.

– Так гораздо лучше, – сказал Ганди-Ла, когда последний стебелек черемши исчез во рту Махота. – А теперь я хотел бы попросить разрешения изучать тебя, Егор, ибо герой куда интереснее магиезависимых организмов, пусть даже они обитают в Мерцающих топях. И главное – он встречается куда реже.

– Изучать? – будь у Егора что-нибудь во рту, он бы обязательно подавился, а так обошлось.

– Конечно. В естественной среде, так сказать, во время совершения доблестных деяний, в ситуациях, когда судьбоформирующая сущность проявляет себя во всей полноте функций. Не бойся, я не стану тебя вскрывать или подвергать опытам, буду просто наблюдать и фиксировать результаты.

Бешеный Соня, судя по отрешенному взгляду, даже не пытался понять, что происходит и о чем идет речь. Зато Аладдин возмущался за двоих, а если честно, то за четверых – орал, размахивал руками и брызгал слюной на добрый метр:

– Да он ненормальный! Наверняка засланец врага! Не верь ему!

Егор поморщился, стараясь не слышать гневных воплей, и осторожно спросил:

– Но ты понимаешь, что нас ждут всякие опасности? Чудовища, невзгоды и нападения врагов? Что ты можешь еще, кроме наблюдения и кидания огненными шарами?

Ганди-Ла смущенно потупился, заулыбался, показывая мелкие зубы без клыков, засопел, чешуя на его серой физиономии слегка потемнела, так что в общем можно было сказать, что он «покраснел».

– Ну... хм... – сказал он. – Я большей частью теоретик, но знаю много всего... не зря пять лет провел в Небесной Пирамиде... многие заклинания выучил, но не все до конца... иногда не совсем то выходит. Еще знаю свойства растений, минералов, классификацию чар... Да, точно могу вылечить ячмень и обеззаразить воду, а это в дальнем путешествии исключительно важно!

– Прогони его! Откажи, ради всех богов Вселенной! – бесновался советчик.

– Хорошо, ты идешь с нами, – вынес вердикт Егор, которому давно хотелось сделать что-нибудь назло крылатому щеголю.

Рахива просиял.

Аладдин сделал вид, что падает в обморок, и на самом деле едва не плюхнулся в болото. Притормозил в последний момент, затрепетал крылышками и набросился на Егора, как большая и очень сердитая оса:

– Что за компания! Дубина на дубине! Вместо героя – жалкий недомерок с прыщами на физиономии! Вместо доблестного воина – сонный увалень с дубиной, а вместо мудрого мага – недоучившаяся, занудная ящерица! Нет, я отказываюсь работать в такой обстановке!

Он исчез с легким «блоп», сгинул в облаке разноцветного дыма, но через мгновение появился вновь, насупленный и со свежим фингалом под глазом. Похоже, начальство взбунтовавшегося СУКА вправило ему мозги, причем сделало это атавистическим, но действенным способом.

– А теперь веди, – сказал Егор. – Наверняка ты знаешь, как выйти к северному краю топей и добраться до Ставира.

– Само собой! – воодушевленно воскликнул Ганди-Ла. – Только гляну вон на те растения семейства дурнопахнущих...

Путешествовать вместе с рахива оказалось в одно и то же время и сложнее, и проще. Проще оттого, что он уверенно находил дорогу, издалека обнаруживал хищников и легко их отпугивал. Сложно потому, что в его чешуйчатой груди билось сердце настоящего исследователя, что подошло бы естествоиспытателю эпохи Возрождения или ученому девятнадцатого века.

У Ганди-Ла то и дело возникало желание изучить вон ту шипастую тварь, этот подвид мха, заглянуть в кусты, чтобы проверить, что это там сверкает, и приходилось его постоянно одергивать.

Если бы не Егор, они бы так и не вышли из топей до вечера.

А так незадолго до заката впереди показалась темная полоса, утыканная хилыми и жалкими, но все же деревьями. Под ногами перестало хлюпать, болотные запахи ослабли, и даже лягушачьи трели почти затихли.

Горы отсюда можно было разглядеть во всей красе – обсыпанные снегом острые вершины, поблескивавшие на солнце туши ледников, темные ущелья и шершавые языки осыпей.

– Зубастые горы, – сказал Аладдин, после попытки дезертирства погрузившийся в гордое молчание.

– Красивые, – Егор покачал головой. – Надеюсь, нам не придется лезть туда?

– Что? Нет! – ответил Ганди-Ла, принявший вопрос на свой счет. – Осталось примерно шесть лиг прямо на восток, не так далеко, но идти лучше днем, поэтому путь мы продолжим с первыми лучами рассвета.

На ночлег устроились на полянке, окруженной кольцом серых, поросших мхом валунов. Егор настоял на том, чтобы развести костер, сам отправился за хворостом и вызвался срубить парочку деревьев. Под ехидные комментарии советчика едва не отрубил себе ногу и с трудом удержался от непарламентских выражений.

Зато когда огонь затрещал, к небу взметнулось облако искр и запахло дымом, на душе стало тепло и спокойно.

– Вот зараза, – хлопнул себя по щеке рахива. – Прокусить не могут, но щекочут, аж жуть!

Комарам, решившим, что к ним на стол прибыл праздничный ужин из трех блюд, и ошалевшим от счастья, дым и вправду ничуть не мешал. Они атаковали яростно, звенели на разные голоса и порой даже сталкивались друг с другом в воздухе, так много их собралось.

– Заколдовал бы. Раз маг, – предложил Бешеный Соня.

– Можно попробовать. – Ганди-Ла встал, надулся, точно решившая стать быком лягушка, и замахал руками. Вспыхнуло, в костер ударила синевато-белая молния, и горящие ветви разбросало в стороны. – Ой, не вышло! Сейчас попробую другой вариант, со сменой цвета и тона...

– Ты с ума сошел? – рявкнул Егор, которому тлеющий сучок оцарапал щеку. – Хватит одного раза.

– И то верно, – Махот зевнул. – Кто будет сторожить?

– Я могу, – предложил рахива. – Все равно хотел сегодня понаблюдать свечение люминесцентных шарообразных сгустков в ночное время и проверить некоторые гипотезы насчет их природы.

– Только за проверкой этих гипотез не забудь, что и по сторонам надо поглядывать, – заметил Егор. – Прикинь, если враги появятся. А посреди ночи меня разбудишь на смену. Понял?

Ганди-Ла сообщил, что понял, что будет бдеть во все глаза и уши, но по его затуманенному взгляду было видно, что все мысли чешуйчатого мага заняты «люминесцентными сгустками».

Егор вновь забрал у Бешеного Сони вонючее одеяло, но в этот раз слишком устал, чтобы обращать внимание на его запах, на твердую землю под спиной и даже на комаров. Уснул мгновенно, точно провалился в заполненное тьмой подземелье, а в следующий момент сообразил, что его трясут за плечо.

– А...что? Уже?.. Чего надо? – забормотал он, пытаясь сообразить, где он и что происходит.

Неужто что-то случилось и Саньку понадобилось срочно будить соседа по квартире? Или он у родителей, в Саранске, и это отец пытается выдернуть сына из объятий сна?

– Твоя очередь, – произнес щелкающий, нечеловеческий голос, и Егор вспомнил.

Нет, он не в столице Мордовии, и вообще не в России, и даже не на Земле, а у северной границы Мерцающих топей, и сам попросил мага-рахива разбудить его посреди ночи.

– Да, встаю, – сказал Егор и принялся выпутываться из одеяла.

Костер едва тлел, но тепла давал ощутимо, в зените разлеглась убывающая луна, и светло было как днем. Устрашающе храпел Бешеный Соня, от болота доносились заливистые лягушачьи трели, жужжали немногочисленные, самые терпеливые и упорные комары.

– А я ложусь, – Ганди-Ла хихикнул почти по-человечески, расстелил собственное одеяло и устроился на нагретом месте.

Егор огляделся и обнаружил, что Аладдин тоже здесь – плавает в своем спальном мешке поодаль и даже, кажется, посвистывает носом. Отойдя немного в сторонку и сделав кое-какие дела, Грачев уселся к костру и изо всех геройских сил принялся сторожить.

Занятие это оказалось не столько трудным, сколько скучным.

Не происходило совершенно ничего, если не считать, что Махот переходил с раскати-стого храпа на прерывистый и обратно да редких комариных атак. Мерцали звезды, необы-чайно крупные и яркие, или, может быть, просто хорошо видимые благодаря отсутствию пыли и засветки в атмосфере.

Егор все сильнее и сильнее хотел спать, и хотя постоянно тормозил себя, вскакивал, чтобы пройтись, тер уши, понимал, что еще немного – и дремота возьмет свое. Холодок, становившийся все более ощутимым, бодрости не добавлял, наоборот, вызывал желание сжаться в комок и закрыть глаза.

– Надо что-то делать, – пробормотал Егор, и тут глаза его остановились на безмятежно дрыхнувшем советчике. – Это что, я, типа, работаю, а он прохлаждается? Нет, никуда не годится.

Он в очередной раз поднялся, подошел к Аладдину и шепнул прямо ему в ухо:

– Подъем!

– Ы! – оранжево-лиловый спальник закрутился, точно покотившаяся по столу мор-ковка, а когда остановился, стала видна заспанная физиономия и выпученные ошалелые глаза. – Чего тебе?

– Хочу использовать тебя по прямому назначению.

– Чего? – несмотря на всю ареальность и необычные возможности, спросонья Аладдин соображал ничуть не лучше разбуженного после пьянки слесаря любого провинциального ЖЭКа.

– Мне нужен твой совет, – пояснил Егор, судорожно размышляя, о чем бы таком спро-сить.

Заранее подумать он не догадался, а сейчас ничего не лезло в голову.

– А, ну это да... и все такое... Спрашивай! – Аладдин приосанился, что сделать, лежа в спальном мешке, не так-то просто.

– Хм... смотри, а если... – пришедшая в голову мысль была крамольной с точки зрения всех героических законов, но при этом довольно интересной. – Если я откажусь идти в поход против темного мага? Просто захочу остаться в этом мире, отправиться, скажем, на восток, куда Три Пальца никогда не доберется, и жить по-обычному. Что будет тогда? Меня выкинет обратно в мой родной мир?

– Каждый из вас, у кого есть хоть капля мозгов, задает этот вопрос, – советчик заулы-бался чуточку покровительственно. – Нет, вернуться ты сможешь только в том случае, если выполнишь свое предназначение – повергнешь зло. Или погибнешь по дороге от его лап, и тогда назад отправится твой хладный и наверняка изуродованный труп.

Лицо Егора вытянулось, и Аладдин удовлетворенно хихикнул:

– Шутка, не бери в голову. Итак, ты отклонился от предназначения, забил на миссию и пошарашил неведомо куда в поисках спокойной жизни. Если это произойдет, ты лишишься, во-первых, СУКА, то есть меня, а вместе со мной и возможности понимать местные языки и изъясняться на них. Или ты полагаешь, что эти парни, – он указал на дрыхнувших непо-далеку Бешеного Соню и рахива, – разговаривают по-русски?

– Ну... э... – честно говоря, Егор над этим вообще не задумывался, он считал само собой разумеющимся, что герой, явившийся в фэнтезийный, населенный не только людьми мир, никогда не сталкивается с языковым барьером.

– Во-вторых, – продолжал советчик, – сгинет невидимая, но от этого не менее реальная геройская аура вокруг твоего тела, именуемая также хварной, и ты потеряешь защиту от местных болезней, к которым у тебя нет, да и не может быть иммунитета. Через неделю тебя свалит кровавый понос, а через две ты благополучно скончаешься от желтокрапчатой лихорадки.

И, в-третьих, даже если ты благодаря силе организма сумеешь уцелеть и неведомым образом выучишься разговаривать на одном из местных языков, ты все равно не сможешь жить в Нифигляндии. Чтобы устроиться тут, ты должен владеть каким-либо ремеслом, быть магом, воином, мастеровым или хотя бы крестьянином. Или ты умеешь пасти коров, тачать башмаки, ковать мечи?

– Ну, честно говоря, нет... – признался Егор.

– Тогда тебе останется одно – нищенствовать, – Аладдин улыбнулся тепло и ласково. – Хочешь? Бродить по дорогам, выпрашивать куски хлеба, драться с другими побирuşками, не иметь никаких шансов на то, чтобы обзавестись друзьями, семьей и домом... Оно тебе надо?

Перспектива выглядела безрадостной, и Егор пожалел, что затеял этот разговор.

– Нет уж, лучше я попробую побыть героем, – сказал он. – Вдруг из этого что-нибудь выйдет?

– Я всегда знал, что капля мозгов в твоей черепушке есть, – заявил советчик и напоказ зевнул. – Еще вопросы?

– Пожалуй, нет.

– А я тогда посплю, – Аладдин впихнулся обратно в мешок и закрыл глаза.

Егору ничего не оставалось, как вернуться к костру – подкладывать в него ветки и сражаться с дремотой.

И в этой схватке он одержал победу – до самого утра не сомкнул глаз.

Но выполнить вчерашний план и выступить с первыми лучами солнца им не удалось, и виной всему стал Бешеный Соня. Чтобы разбудить его, понадобился почти час усилий и несколько заклинаний, причем последним Ганди-Ла поджег волосы на голове Махота.

Только тогда тот открыл глаза, принял хался и спросил:

– Что горит?

– Твоя башка! – воскликнул Егор.

– Как это? – великан потянул руки к макушке, а рахива бросил новое заклинание, и на этот раз успешно: над лагерем сгустилась тучка, и хлынул не просто дождь, а настоящий ливень.

Егор промок и замерз в одно мгновение.

– Надо же... – протянул Бешеный Соня, когда катаклизм сгинул без следа. – Я понял! Это от мыслей! Я слишком думаю. Много. Надо кого-нибудь дубиной. Иначе это повторится.

– Ничего, я полагаю, что в ближайшее время ты найдешь кого шандарахнуть своей деревяшкой, – оптимистично заявил рахива.

Потушенный Махот поднялся на ноги, и трое зашагали, а один полетел на восток, по полосе леса, зажатой между Мерцающими топиями и горами.

Вскоре стало ясно, что валуны, рядом с которыми провели ночь, вовсе не являются чем-то исключительным в этих краях. Они попадались поодиночке и группами, покрытые мхом и бесстыдно голые, а кое-где торчали даже целые скалы.

– Немного осталось, – сказал Ганди-Ла, когда они миновали громадный утес, похожий на гигантское кресло. – Около двух лиг до дороги, ну а по ней до города вообще рукой подать.

Из этих двух лиг позади осталась одна, когда дорогу путешественникам преградил заяц. Он нагло выпрыгнул из-за раскидистой ели и уселся, поставив уши торчком. Мгновением позже к нему присоединился второй, здоровенный, толстый, с подпалинами.

– Это еще что? – Егор оглянулся на спутников. – Зайцы в этих местах всегда себя так ведут?

– Нет, я с таким ранее не сталкивался. Похоже, перед нами феномен, свойственный исключительно этой местности и связанный с высоким фоном свободной магической энер-

гии, – желтые глаза рахива загорелись любопытством. – Нужно обязательно посмотреть на этих зверьков поближе.

– Верно. Изнутри, – согласился Бешеный Соня. – Зашибем одного – будет обед. Два – еще и ужин.

Последние слова зайцам, похоже, не понравились, поскольку они дружно скакнули на Махота. Тот не успел даже пикнуть, как одна мохнатая тушка врезалась ему в голову, вторая угодила в грудь. Великан нелепо взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но это ему не удалось, и он шлепнулся на спину.

– Что... – Егор краем глаза заметил движение, и в следующий момент его ударили в плечо.

Он смог еще повернуться, и даже увидеть, что лес вокруг просто кишит ушастыми серыми зверьками. В следующий момент покатился по земле, ушибая поочередно локоть, спину, подбородок, бедро и коленку. А когда замер, то сообразил, что не может встать из-за обрвавшейся на теле дополнительной тяжести.

Два зайца сидели у Егора на груди и скалились так, как вроде бы не положено добропорядочным травоядным животным. Еще несколько располагались на животе, и по два на каждую конечность прижимали руки и ноги, оставляя возможность шевелить только пальцами и языком.

Кинув опасливый взгляд в сторону, Егор обнаружил, что спутники находятся в таком же положении. Ганди-Ла, даже придавленный к земле агрессивными грызунами, сохранил удивленно-восторженный вид, а Бешеный Соня, на которого потребовалось очень много зайцев, вовсе исчез под мохнатыми тушками.

Аладдин кружил в вышине, и выражение лица у него было, как у грибника, встретившего в лесу инопланетян.

– Так-так-так, посмотрим, кто тут у нас? – произнес резкий женский голос, и все из-за той же ели выступила очень решительно выглядевшая барышня лет двадцати с небольшим, наряженная по-мужски – в штаны и кафтан.

Рыжая, коротко стриженная, она носила у бедра клинок, вроде бы короткий для меча, но откровенно длинный для ножа. Голубые глаза смотрели расчетливо и ехидно, на губах играла улыбка, которую можно было назвать какой угодно, но никак не милосердной.

– Ого, – барышня оглядела поверженную троицу, – три барана, забредших в темный лес?

– А я знаю тебя! – неожиданно заявил Ганди-Ла, и в голосе его прозвучало нечто вроде восхищения.

– Да ну? – барышня подбоченилась. – Моя слава велика и обильна, особенно в родной Белории, где мне даже присвоили титул из трех могучих рун, но я не думала, что обо мне слышали в этих местах.

– Всякий образованный человек знает о ведьме Ольхе Бредной и ее банде дрессированных кроликов. Кто угодно на просторах Нифигляндии слышал жуткие легенды о ее кровожадности, жестокости и неутолимой алчности.

Вопреки ожиданиям Егора, упоминание столь негативных качеств пришлось рыжей барышне по вкусу, она даже заулыбалась.

Бешеный Соня, которому надоело лежать просто так, предпринял попытку освободиться. Он взревел, как целый львиный прайд, и встряхнулся, отчего несколько зайцев, а точнее кроликов, отлетело в сторону. Но один из них, что сидел в области Махотова паха, сделал некое движение, и великан мгновенно затих.

– Эй, не балуй! – властно бросила Ольга Бредная. – А не то откусят твои причиндалы на раз-два! Значит, так. Отдадите мне все деньги и ценности и валите на все четыре стороны.

Мысль о том, что его, героя, явившегося спасти мир от Зла и Тьмы, могут банально ограбить, никак не укладывалась у Егора в голове. Ему хотелось верить, что каждый встречный, если он не приспешник черного мага, должен проявлять дружелюбие и желание помочь.

Ни тем ни другим от рыжей ведьмы не пахло, хотя и на чьего-то приспешника она походила мало.

– У меня денег нет, – пропыхтел Бешеный Соня из-под груды кроликов.

– Это мы сейчас проверим, – промурлыкала хозяйка звериной банды. – Никто не уйдет обиженным от моего заклинания. Зато и утаить ничего не выйдет, оно даже проглоченное золото показывает. Люблю такое вытаскивать, кишочки всякие, очень познавательное, – она мечтательно зажмурилась. – Так, здоровяк, лежи смирно, а не то тебе откусят сам знаешь что...

– Ты что валяешься! – обрел наконец голос Аладдин. – Какая-то третьеразрядная грабительница, едва освоившая пару простых заклинаний, берет верх над героем! Где это видано! Поднимайся и сражайся! Или хотя бы скажи ей, кто ты такой, вдруг это поможет!

Ольха тем временем прошептала что-то, вытянула руку, и с ее ладони потекло золотистое сияние. Собралось в шар размером с баскетбольный мяч, тот нырнул в груды кроликов, под которыми находился Махот, и исчез. Выскочил обратно спустя несколько минут и рассыпался на шипящие длинные искры.

– Надо же, не соврал, голодранец, – ведьма покачала головой и зашагала к Егору.

– Меня нельзя заколдовывать, – поспешно сказал он, решив, что последний совет Аладдина лучше всего подходит к ситуации. – И грабить меня тоже нельзя. Потому что я... это, герой.

Признаваться в этом было почему-то стыдно, точно в дурной болезни.

– Герой? – недоверчиво спросила Ольха. – Что-то ты не очень похож... Хотя погоди-ка.

Брошенное ею заклинание вызвало у Егора ощущение, что его рассматривают через увеличительное стекло, он почувствовал себя крошечным, не больше мошки, а рядом почти увидел огромный глаз, отделенный линзой размером с Красную площадь. Но продлилось все это недолго, и он обнаружил, что валяется на том же месте, боевитые кролики никуда не делись, зато их рыжая повелительница выглядит мрачнее градовой тучи.

– И этот не соврал, – буркнула она. – Что за день такой? Сплошь честные попадаются!

Ведьма сделала движение рукой, точно бросила в воздух щепотку песка, и зверьки, прижимавшие к земле Егора и его спутников, принялись сигать в стороны, разбегаться по зарослям. Обнажился Бешеный Соня, красный и мрачный, весь покрытый клочьями шерсти, поднялся с земли Ганди-Ла, столь же воодушевленно-любопытный, как и до встречи с Ольхой, но несколько помятый.

– Ну, ваше... – сказал Егор, садясь и ощупывая синяки, оставшиеся после падения. – Грабежом промышляешь?

– Жить как-то надо, – ответила ведьма. – В этом мире, где феминизм еще не изобрели, умной и эмансипированной женщине приходится непросто. Либо сдать на вашу мужскую милость и всю жизнь провести дома, рожая детей и следя за хозяйством, либо бороться за свое место под солнцем!

У Егора возникло четкое ощущение, что до открытия феминизма Нифигляндии осталось совсем немного.

– А почему Бредная? – спросил он, поднимаясь на ноги.

– А потому что тому, кто попал ко мне в руки, остается только бредить о пощаде! – Ольха оглядела Грачева с ног до головы, и на лице ее, весьма симпатичном, стоит признать, возникло озадаченное выражение. – Да ты еще мельче, чем мне показалось. Честно говоря, выглядишь ты героем второго или даже третьего сорта.

– Герой не может быть второго сорта! – гордо воскликнул Аладдин, но его никто не услышал, кроме Егора, а тому эти слова послужили слабым утешением. Всегда неприятно, когда тебе дают низкую оценку, и вдвойне неприятно, если ее выставляет красивая девушка.

– Ну... я всего четвертый день геройствую, – признался он. – До этого другим занимался.

– А, то есть ты хочешь сказать, что тебе выдержки не хватает, как вину? – ведьма ехидно заулыбалась. – Ну да, если тебя лет на тридцать запереть в бочке в темном подвале, то либо ты помрешь, либо Трех Пальцев прикончит кто-нибудь другой, либо ты станешь таким же здоровяком, как твой приятель с дубиной.

Егор ревниво покосился на Бешеного Соню, отряхивавшегося от кроличьей шерсти и время от времени громогласно чихавшего.

– Но речь не о том, – продолжила рыжая ведьма, и в голосе ее неожиданно появились просительные нотки. – Мне бы очень хотелось, чтобы о сегодняшней встрече со мной вы никому не рассказывали.

– Почему? – влез Ганди-Ла, которому, как прирожденному исследователю, было дело абсолютно до всего.

Ольха сморщилась так, словно у нее разболелся зуб, а то и два одновременно:

– А потому, что любой шаг героя и его спутников будет зафиксирован разными менестрелями, сказителями, акынами, трубадурами, а их песенки и былины разойдутся по всей Нифигляндии. И вряд ли я там буду выглядеть так, как мне хотелось бы выглядеть, – она гордо прищурилась. – Знаю я этих «волшебников слова», грошовых лгунов с большой дороги. Прознают, что у меня случилось небольшое столкновение с героем, и изобразят старой, уродливой теткой, обязательно с волосатой бородавкой на носу, а кроликов моих превратят в свирепых волков... Ведь вы никому не скажете, а?

– Ну, мы подумаем... – проснувшаяся впервые в жизни интуиция подсказала Егору, что соглашаться сразу нельзя.

– Денег я вам не дам, а вот съестным готова поделиться, – предложила ведьма. – Рожи у вас больно голодные.

– Зайчатиной? – Бешеный Соня облизнулся.

– Медвежатиной. Мои серые ребятишки позавчера топтыгина задрали. – Ольха щелкнула пальцами, и к ней подскочили два кролика, на спинах которых были закреплены кожаные мешки. – Ну что, по рукам?

– По рукам, – милостиво кивнул Егор.

У него возникла мысль позвать эту рыжую с собой, на бой против Сил Зла, но следом за ней явилась другая, более рациональная – если Ольха Бредная отправится с ними в поход, то она этот поход и возглавит.

Главный заклинательный покой Серого замка размещался в донжоне, причем на верхнем этаже, и выше находилась только дозорная площадка. Это было против всех злодейских канонов, но по сравнению с остальными нарушениями выглядело такой мелочью, что даже самые замшелые приспешники, привыкшие к темным подвалам, лишь уныло вздыхали.

А Ольвхоретан Пердигийский Младший был очень доволен: много света и простора, и в любой момент можно выйти, подышать свежим воздухом – сюда, на высоту тридцати с лишком метров, не поднимались запахи, в изобилии копившиеся внутри замковых стен.

Заклинательный покой был просторен по меркам средневековой архитектуры, но ужасно захламлен. Три Пальца тащил в свое логово все, что вызывало его интерес или казалось полезным, и поэтому имеющиеся тут шкафы и сундуки были забиты до отказа книгами, свитками и глиняными табличками, редкими минералами, декоктами в бутылках, пустыми стеклянными и каменными сосудами, пучками трав и комками благовонных смол.

Еще тут имелись целых две печи, одна для обогрева, другая – алхимическая, вделанное в стену зеркало площадью четыре квадратных метра и исполинский стол из черного дуба.

Весил он, точно хорошая бомбарда.

В данный момент величайший черный маг Нифигляндии сидел за столом и просматривал листы пергамента, усаженные кляксами и исписанные мелким, совершенно неудобочитаемым почерком.

– Так, было пять бочек вина... осталось три, – бормотал он, раздраженно хмурия светлые брови. – Куда делись еще две? Воруют, сволочи, как сволочи... Заколдовать их, что ли? В жаб превратить?

Идея обладала определенной привлекательностью, но Три Пальца знал, что новый эконом будет честным примерно полгода, а затем начнет таскать столь же нагло, как и нынешний. Людская природа везде и всегда одинакова, что в мире магов и драконов, что во вселенной бластеров и космолетов, и никакая, даже самая жесткая и суровая власть не в силах ее переделать.

– Или нет... – Ольвхоретан почесал розовую плешь на макушке. – Лучше я его проклян, не особо сильно. Погниет немного, помучается, глядишь и осознает, что был не прав. Однозначно!

Несмотря на занятость, Три Пальца всегда просматривал хозяйственные документы лично и, возможно, благодаря этому точно знал, на что способен он сам и на что годятся его постоянно растущие владения.

Он вновь углубился в писания вороватого, но недалекого эконома, но тут ожил один из лежавших на столе кристаллов, светло-фиолетовый, похожий на наконечник копья аметист. Он засветился, требовательно замигал, и одну за другой испустил три немзыкальные трели.

– А? Что? – Ольвхоретан Пердигийский Младший вскинул голову. – Северный храм Аш-Райтана?

Кристалл подал сигнал, что с Тремя Пальцами желает побеседовать Алчная Пасть Тьмы, или, если опустить нелепый, но звучный титул – верховный жрец святилища Скрытого Владыки, расположенного около самых Зубастых гор.

– Чего ему надо-то? – пробурчал темный маг. – Ладно, ладно, сейчас отвечу...

Он выбрался из кресла, взял кристалл и зашагал к зеркалу, в котором в данный момент не отражалось ничего – ни заклинательного покоя, ни его могущественного хозяина. Когда аметист коснулся блестящей поверхности, та заволновалась, точно водная гладь, и в ней замелькали образы: женщина с облаком золотых волос, согбенный старец, какая-то фигура, мало похожая на человеческую – не те очертания, да и конечностей многовато...

– Опять сбоит, – с неудовольствием сказал Три Пальца и изо всех сил шарахнул кулаком по серебряной раме. – Железяка старая! Давно пора тебя на свалку отправить да новое сделать!

В ответ на столь непочтительное обращение зеркало мигнуло, задребезжало, и в нем появился высокий, представительный мужчина с горбатым носом, пронзительными черными глазами и седыми волосами.

– Ну? – спросил темный маг.

– Великому и могущественному повелителю, движущему основы реальности в сторону уменьшения энтропии, громоотводу мироздания, славному Ольвхоретану желаю победоносно радоваться! – отбарабанил мужчина, точно школьник, выучивший урок наизусть.

– И тебе, Алчная Пасть Тьмы, всевеликих злодейств и уничтожающих деяний, – с кислой миной отвечивал Три Пальца, подумав при этом, что все служители темных божеств склонны к выпендренной ритуальности и что чем мельче жрец, тем больше он пыжится и тем тщательнее соблюдает церемониал. – Ладно, хватит воздух сотрясать. Что тебе надо?

Алчная Пасть Тьмы несколько раз моргнул, переключаясь с возвышенного штиля на обычный, а затем печально сообщил:

– Есть основания полагать, что в Нифигляндию явился герой, призванный покончить с вами, владыка.

– Да? Ну и что?

Служителя Аш-Райтана равнодушие собеседника несколько сбilo с толку, его изумленное отражение пошло волнами и даже на мгновение пропало, но быстро вернулось.

– Но как же... ведь он может... – забормотал он.

– Ничего он не может! – прервал жреца Три Пальца. – Я видел, кто именно явился в наш мир. У этого парня такие же шансы повергнуть меня, как у придурковатого деревенского пастуха. Вы сталкивались с ним?

– Да-а.

– Тогда он должен быть мертв, – темный маг взгляделся в лицо собеседника. – Или... нет?

– Он ускользнул, – служитель Аш-Райтана стыдливо отвел взгляд.

– Не понял. В северных лесах твои парни знают каждый угол, их у тебя почти сотня, все опытные воины и охотники, многие владеют магией. Поймать чужака-одиночку для вас должно быть легче, чем три пальца откусить. И ты мне говоришь – «он ускользнул»?

– Мои ловчие команды потеряли след, – признался жрец. – А Мерцающие топи мешают использовать поисковую магию. Одна из команд вообще пропала... Говорят, что в тех местах видели Ольху Бредную.

– Эту бешеную бабу со зверушками?

– Не хотел бы я сойтись в бою с этими «зверушками», – служитель Аш-Райтана поежился.

– Значит, так, – Три Пальца вложил во взгляд максимум презрения. – Перекрывайте дороги: на юг, в Секлию, в Северный оплот гномов... куда он еще может потащиться за помощью? Загляните в Ставир, окружите Некрополь Петрона. Не будет же герой сидеть в глуши, где даже волки появляются только по большим праздникам?

– Я все понял. Сделаем.

– Очень надеюсь, – последнее слово темный маг выделил, – что уже через несколько дней ты доложишь мне об успехе. Можете захватить его, можете убить – мне все равно. Понятно?

– Так точно, – отозвался жрец.

– Тогда проваливай и берись за дело, – Три Пальца развернулся и зашагал обратно к столу, не оглядываясь на зеркало, где медленно таял образ верховного служителя Аш-Райтана.

Глава 5

Вольный город

Копченая медвежати́на, которой удалось разжиться после встречи с рыжей ведьмой, на вкус напоминала бумагу и жевалась с большим трудом, но зато помогала скрашивать дорожную скуку. Выковыривая из зубов волоконец мяса или выковыривая зубы из куска мяса, как-то забываешь о том, что уже который час тащишься по лесу, а никаких признаков города не видно.

Ганди-Ла, как всякий большой ученый, был невнимателен в мелочах.

А мелочами для рахива являлось все, что не относилось к области его научных интересов.

– О, вот и дорога! – заявил он, когда путники выбрались на неширокую полосу утоптанной земли.

– Без тебя не догадались бы, – съязвил Аладдин.

Дорога повернула несколько раз, и открылся вольный город Ставир: окруженный зубчатой стеной, он располагался на берегу реки, и с оставшихся трех сторон его лежала вырубка, лишенная даже кустарника. Проскользнуть через нее незамеченным смог бы разве что лазутчик, умеющий превращаться в мышь или стащивший у Гарри Поттера его плащ-невидимку.

– Прикинь, красиво, – сказал Егор, разглядывая могучие сторожевые башни из темного камня и выющиеся над ними флаги, серые с серебром. – Что там на этих, на знаменах нарисовано?

– Город Ставир является перевалочным торговым центром, через него идет транзит гномьих товаров на юг, – забубнил Аладдин точно аудиоэнциклопедия. – Основан четыреста лет назад после Войны Белоснежки и Семи Кланов, управляется советом консулов. На гербе – белые топор и меч на сером фоне, обозначающие единение двух рас в суровых условиях...

Дальше Егор слушать не стал.

– А зачем мы туда идем? – поинтересовался Ганди-Ла, которому этот вопрос ранее в голову не приходил.

– За шопингом, – объяснил Егор и, обнаружив, что его не поняли, добавил: – Ну, покупки всякие сделать. А то у меня нет ничего. Ни мешка, ни одеяла, ни запаса продовольствия...

– И коня у тебя нет, а должен быть, – вмешался советчик, и Егор споткнулся на ровном месте.

Он до последнего надеялся, что придется обойтись без дурацкого атавистического пережитка, которым является езда верхом. Нет, конечно, свежее испеченный герой слышал всякие слова типа «седло», «уздечка», «аллюр», но смутно представлял, что конкретно они обозначают и с чем их едят.

Эх, если бы до логова местного Темного Властелина можно было добраться на поезде или лучше на самолете...

– Должен-должен, – Аладдин был безжалостен. – Пешком будешь год шлепать.

«Но я не умею! Я лошадь только на картинке видел!» – хотелось сказать Егору, но он промолчал и лишь одарил советчика красноречивым взглядом, сообщающим: мы с тобой потом поговорим.

Дорога тем временем подошла к распахнутым воротам, и обнаружились скучавшие около них стражи, удивительно похожие на московских милиционеров: не одеждой или

вооружением, а наглым, самодовольным выражением на толстых физиономиях, которое дает мелкая власть.

– Глянь-ка, идут, – сказал один из стражей, длинный и лохматый, в съехавшем набок шлеме и помятой кольчуге.

– Никак к нам, – подтвердил второй, бородатый, низкорослый и мощный, по всем признакам гном, и при этом так воняющий луком, что гнусный запах ощущался в десяти метрах от ворот. – Эй, вы, бродяги, вы входную пошлину платить собираетесь?

– Нет. У меня денег нет, – честно ответил Бешеный Соня.

– Пусть друзья за тебя внесут, – резонно заметил длинный. – Секлийский серебряный с троих.

Махот и Ганди-Ла посмотрели на Егора, и тот осознал, что обязанность героя – не только командовать сподвижниками и вовремя ими жертвовать, а еще иногда и платить за них. Печально вздохнул и полез в мешочек на поясе, исполнявший почетные обязанности кошелька.

Получив монету, бородатый стражник понюхал ее, лизнул и только затем отступил в сторону, освобождая проход:

– Добро пожаловать в вольный город Ставир.

– И не вздумайте буянить, – добавил длинный. – А не то... тут таких, как мы, много.

За воротами обнаружилась крохотная грязная площадь, замощенная булыжником, и три уходящие от нее улицы, одинаково узкие и извилистые. Егор завертел головой, решая, куда отправиться в первую очередь и бросая вопрошающие взгляды на Аладдина, но тут на помощь пришел рахива.

– Поведай, что ты хочешь купить, – сказал он. – И я подскажу, в какую сторону...

– Меч! – воскликнул Егор, всегда представлявший, что без длинного сверкающего клинка в руке не бывает героя.

– Какой меч? Ты что, одурел?! – рявкнул Аладдин. – Тебе подойдет только волшебный!

– Почему? – тут Егор забыл, что видит советчика он один, и слышит, кстати, тоже.

– А потому что обычным ты, дубина, скорее порежешься, чем убьешь кого-нибудь. Ты когда-нибудь держал в руках холодное оружие? Ты великий фехтовальщик? Кроме того, приличный меч обойдется не в один десяток золотых, а где взять такие деньги? Фонды нам выделяют неохотно и крайне скудно! Сечешь, отморозок?

– Э... ну да, – Егор немного смутился.

Он был уверен, что сможет держать клинок изящно, чтобы тот хорошо смотрелся, но вполне реалистично оценивал свои шансы в схватке со сколь-нибудь умелым противником как нулевые.

– Меч? – переспросил Ганди-Ла, с отвисшей челюстью наблюдавший, как предводитель их маленького отряда беседует сам с собой. – Тогда нам в Речной квартал, на Сырую улицу...

К счастью, помимо рахива, никто не обратил внимания на странное поведение Егора – прохожим было не до троицы чужаков, только вошедших в Ставир, а Бешеный Соня с видом попавшего в Диснейленд ребенка пялился по сторонам.

– Нет, меч не надо, – поправился Егор.

– Дорожный мешок, одеяло, ложка, запасная рубаша, носки, топорик, иголка, нитки и дратва, плащ, мыло, котелок, – начал перечислять Аладдин, – твердый сыр, крупа, колбаса, сушеное мясо, седельные сумки и напоследок – конь, но не боевой, а гномий пони, что лучше всего подходит для дальней дороги. И для неумелого ездока, кстати, тоже. И стоит недорого, а это тоже важно.

Выслушав переложение этого списка из уст Егора, Ганди-Ла кивнул, и они отправились по городу.

Хозяева лавок встречали троицу настороженно, взирали на дубину Махота с опаской, а на рахива – с удивлением. Но когда выясняли, что к ним явились обыкновенные клиенты, резко преображались, становились хитрыми и наглыми. Аладдин горячился, орал на Егора, когда тот порывался согласиться на предложенную цену, и призывал торговаться.

Бешеный Соня в разговорах участия не принимал, а вот Ганди-Ла иногда помогал, его острый взгляд и не менее острый, как вскоре стало ясно, нюх позволяли обнаружить скрытые дефекты товара.

СУКА посматривал на рахива с все большим уважением.

Егор стал обладателем дорожного мешка, набитого всякими предметами, без которых, как выяснилось, сложно повергнуть Великое Зло, а все трое – хозяевами изрядного количества снеди.

– В районе Некрополя Петрона супермаркетов нет, – приговаривал Аладдин, – а путешествующие торговцы там не появляются вот уже три тысячи лет, так что покупайте и не нойте.

Посещение конского рынка, расположенного у восточных, Речных ворот, оставили напоследок. К тому моменту, как приятели туда заявили, Егор довольно неплохо выучился торговаться, а новый мешок слегка натер ему плечи.

– Шумно пахнет. И плохо галдит. Или наоборот, – заявил Бешеный Соня, оглядывая заваленную навозом площадь.

Выбор, честно говоря, был не особенно велик – тяжеловозы, огромные, как драконы, костлявые неказистые лошади, весь вид которых говорил об их рабоче-крестьянском происхождении, пара скакунов немыслимого изящества, продавал коих надменный эльф в красных сапогах, и мохнатые низкорослые пони, находившиеся в собственности деловито ухмылявшихся гномов.

Егор вздохнул и подумал, что с мечтой о героическом коне придется расстаться.

С пони бы не упасть.

Гномы, обнаружившие, что к ним явились покупатели, не стали суетиться. Старейший из них, с заткнутой за кушак бородой и яркими голубыми глазами, откашлялся и спросил:

– Что угодно почтенным?

– Трех пони, – сказал Егор. – Чтобы были послушными и выносливыми.

– У нас все такие, – гном подбоченился. – Выбирайте, почтенные. Вот эти – от кровей восточных, они покрупнее, из них можно присмотреть скакуна для вашего парня с дубиной...

Бешеный Соня, сообразив, что речь идет о нем, радостно заушмылялся.

– Эти, – продолжал бородач, – от исконно горной породы, способны идти сутками без корма и воды, эти – от смеси с людскими животными, они чуть более нервные и тоньше в кости...

С настойчивостью опытного продавца он говорил и говорил, и Егор ощутил, что у него ум заходит за разум.

– Э, сколько? Цена, в смысле? – спросил он, скосив глаза на Аладдина.

Но тот листал непонятно откуда взявшуюся толстенную книгу, похожую на втиснутую в один том Большую Советскую Энциклопедию, и выглядел несколько ошалелым. Похоже, что и у советчика имелся предел познания, и в данном случае он был достигнут.

– Только для вас, исключительно сегодня особое предложение... – задушевно начал гном, и Егор понял, что дешево не отделается – слишком уж все это походило на рекламную замануху.

Сейчас еще тест-драйв предложат совершить и салон отлюксовать.

После ритуальных бормотаний о «крайне низкой цене» гном назвал сумму в девять секлийских золотых. Егор немного поторговался, и они сошлись на шести, причем в стоимость покупки вошла необходимая сбруя и седельные сумки.

– Надеюсь, что вы вспомните меня добрым словом, – на прощание сказал бородач, и на физиономии его возникла совершенно умильная улыбка.

– И я надеюсь, – вздохнул Егор, оглядывая доставшегося ему пони.

И они отправились прочь с рынка.

– Что теперь? – спросил Ганди-Ла, когда вонь и шум остались позади.

– Надо бы поесть, и заодно обмыть все эти покупки. Не знаешь, где это можно сделать?

– Вот так задача! – рахива усмехнулся. – Конечно, знаю! Отличное местечко!

«Местечко» обнаружилось в самом центре города, на площади рядом с ратушей, и оказалось большой корчмой, на вывеске которой опухший и пьяный на вид дракон пыжился, выдувая пламя.

– Черный змей, – прочитал Ганди-Ла. – Если что обмывать в Ставице, то только тут.

Пони, до сего момента послушно топавших за новыми хозяевами, путешественники оставили у коновязи, а сами прошли внутрь. За дверью посетителей встретил хозяин в белом фартуке, невысокий, но толстый и такой розовощекий, точно произошел он не от обезьяны, а от свиньи.

– Ура, клянусь подолом Эхары! – вскричал он. – Три таких парня наверняка захотят не только поесть, но и выпить!

– Захотят, – подтвердил Бешеный Соня. – Тащи все.

Против такого заказа не устоит ни один владелец едально-питейного заведения, так что троицу проводили до углового, самого чистого стола, после чего толстяк умчался на кухню.

– И это отличное местечко? – спросил Егор, оглядывая свисавшие с низкого потолка тележные колеса с огарками, солому на полу, громадный очаг, где можно было целиком зажарить кабана.

– А что? Плохое? – удивился рахива, а Аладдин, устроившийся с той же толстенной книгой на одном из тележных колес, поднял голову и ехидно прокомментировал:

– А ты чего ждал? Ресторан с хрусталем, накрахмаленными салфетками и все такое? Если на столах нет пятен блевотины, а на полу не валяются псы и выбитые зубы, то кабак отличный. А тут еще и готовят хорошо, если судить по запахам, – и советчик заинтересованно пошевелил ноздрями.

Вернулся хозяин, притащил кувшин черного, как деготь, пива и блюдо пахнущих чесноком колбасок. Тут же слуга приволок три миски с кашей, щедро сдобренной мясом, и большую тарелку с огурцами.

– О, дело! Наливай! – обрадовался Махот, и ручища его потянулась к кувшину.

Пиво, что варили в «Черном змее», понравилось Егору больше, чем напиток, который подавали в лесной корчме. Или, может быть, он просто начал привыкать к мути, к привкусу жженных тряпок и к полному отсутствию химических добавок.

В одиночестве они просидели недолго, едва выпили по второй, как в зал ввалились трое стражников. Уселись у двери, заказали чего-нибудь «побыстрее пожрать» и принялись торопливо насыщаться. Следом пришли двое пожилых мастеровых, решивших, похоже, обстоятельно «вмазать». У этих на столе появился стеклянный графин с чем-то темно-красным, серебряные кубки, а также крохотные плошки с какими-то местными деликатесами.

Напоследок явился вовсе странный дядечка, высокий, с короткой седоватой бородкой, наряженный в остроконечный колпак с серебристыми звездами и балахон неопределенного цвета.

– Торренс! Как обычно! – рывкнул он с порога, а затем взгляд его остановился на рахива. – А, и ты здесь, ящерица драная? Не сожрали тебя, смотрю, болотные твари? Это значит, что они умнее, чем кажутся.

– Кто это? – шепотом спросил Егор, когда дядечка уселся в противоположном углу.

– Майн Постум, – уважительно ответил Ганди-Ла. – Аркканцлер местного университета. Большой ученый с маленькими странностями. Когда напьется, обещает показать всем кубатуру сферы, а еще говорят, что он женат на лягушке, да еще на экзотической, не из наших мест.

– Тут есть университет? – удивился Егор.

– Формально есть, а на самом деле – смех один, – рахива пренебрежительно махнул лапкой. – Как заведено – в каждом приличном городе должен быть университет, вот и основатели Ставира у себя такой завели. А кто тут учиться будет? Гномы с гор или лесорубы из чащобы? Так что там пара наставников всего, десяток школяров и господин Майн Постум.

Большой ученый с маленькими странностями тем временем приговорил пару кружек пива и принялся за жаркое из баранины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.